ДОМЪ СУМАСШЕДШИХЪ

САТИРА

А. Ѳ. ВОЕЙКОВА.

1814—1838.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева (Большая Садовая, д. № 49—2)
1874.

La vie de l'homme n'est qu'un songe.

Un songe agréable est préférable à une triste réalité.

(Жизнь человѣка ничто иное, какъ сонъ. Пріятное сновидѣніе лучше печальной дѣйствительности).

Оттиски изъ журнала «Русская Старина» изд. 1874 г.

Александръ Өедоровичъ Воейковъ родился въ Москвѣ 15-го ноября 1779 г. Окончивъ съ отличіемъ курсъ наукъ въ тамошнемъ университетскомъ благородномъ пансіонѣ, онъ съ юныхъ лѣтъ посвятилъ себя литературѣ [1]). Саркастическій умъ Воейкова обнаружился въ его первыхъ же сатирическихъ опытахъ. Кромѣ того, онъ занимался переводами: „Исторіи царствованія Людовика XIV“ Вольтера (1809 г.) и „Садовъ“ — Делиля (1816). Посѣщалъ литературные вечера кружка московскихъ литераторовъ; познакомился съ Кокошкинымъ, Батюшковымъ и Мерзляковымъ, который платилъ иногда Воейкову стихами за карточный долгъ.

Воейковъ издалъ еще: 1) „Сббр. образцовыхъ Русск. Соч., 12 частей“. (1-е изд. 1815 —1817; 2-е изд. 1822—1824 съ А. Тургеневымъ и В. Жуковскимъ). 2) „Нов. Собр. образцовыхъ Россійскихъ Соч., 4 части“. (1821 — 1822). 3) „Собр. нов. Рос. Соч., 4 части“. (1824—1826). 4) „Образцовыхъ соч. въ прозѣ знаменитыхъ древнихъ и новыхъ писателей“, 1811. Онъ написалъ множество стихотвореній; переводилъ гекзаметромъ эклоги Вергилія и въ прозѣ — нѣкоторыя поэмы Байрона (см. изд. имъ журналы).

Въ 1812 г., увлекаясь духомъ патріотизма, охватившаго всѣ со-

---

[1]) Вотъ что разсказываетъ самъ Воейковъ о началѣ своей служебной карьеры: «Я, будучи записанъ съ колыбели въ конную гвардію, вступилъ въ дѣйствительную службу въ концѣ 1796 года; вскорѣ по восшествіи на престолъ Павла I.—18-го января 1797 г. былъ произведенъ въ офицеры; въ концѣ 1798 г. исключенъ изъ службы, а въ январѣ 1800 г. опять принятъ на службу. Я былъ въ эти четыре года сто разъ арестованъ, мнѣ запрещенъ былъ въѣздъ въ обѣ столицы; слѣдовательно, я бы долженъ былъ быть въ числѣ недовольныхъ.

«Благословляю Бога за то, что ни я, ни братъ мой, ни одинъ изъ офицеровъ конной гвардіи не были замѣшаны въ событіяхъ 1801 г., ни отецъ мой и дядя»... и проч. (Изъ Записокъ А. Ө. Воейкова. «Историч. Сборн.», изд. 1861 г., кн. II, стр. 117—132). **Ред.**

словія Россіи, Воейковъ вступилъ въ ряды защитниковъ отечества. Послѣ изгнанія непріятелей онъ вышелъ въ отставку, путешествовалъ по Россіи, потомъ поселился въ Москвѣ.

Въ 1815 г. Воейковъ женился на Александрѣ Андреевнѣ Протасовой, племянницѣ Жуковскаго, которой тотъ посвятилъ свою „Свѣтлану".

Она умерла въ 1829 и онъ женился вторично на N. N., какой-то простой женщинѣ, при немъ служившей. Остряки того времени, намекая на красоту первой его жены и безобразіе мужа, называли ихъ Венерою и Вулканомъ: это сравненіе было особенно удачно, потому что Воейковъ, какъ извѣстно, былъ хромъ, вывихнувъ себѣ ногу въ 1824 г.

Воейковъ былъ членомъ Арзамаса, гдѣ носилъ прозвища: „Печурка" и „Двѣ огромныя руки". Благодаря покровительству Жуковскаго и другихъ вліятельныхъ лицъ, Воейковъ, вскорѣ послѣ женитьбы, получилъ каѳедру профессора русской словесности въ Дерптскомъ университетѣ и занималъ ее до 1820 г. По пріѣздѣ въ Петербургъ, былъ назначенъ на мѣсто инспектора артилерійскаго училища, что не препятствовало ему посвятить себя журналистикѣ.

Воейковъ послѣдовательно былъ издателемъ четырехъ журналовъ: „Сына Отечества" (1821—мартъ 1822, съ Гречемъ), „Русскаго Инвалида" (съ 1821 до 1826 г), „Новостей Литературы" (1822—1826), „Славянина" (1827—1830) и „Лит. Приб. къ Рус. Инвалиду" (1831—1836). Редакторство давало возможность Воейкову, съ свойственнымъ ему юморомъ, подвизаться одновременно въ отдѣлахъ критики и словесности. Критики его боялись: онъ былъ мастеръ браниться и задѣвать въ противникѣ слабую струнку. Эту особенность своего дарованія Воейковъ болѣе всего проявилъ въ своей сатирѣ „Домъ Сумасшедшихъ", начатой имъ въ 1814 г. и въ теченіе двадцати четырехъ лѣтъ пополняемой.

Мысль вывести общественныхъ дѣятелей въ видѣ жильцовъ дома умалишенныхъ, безспорно, остра и оригинальна. Обладая способностью находить въ каждомъ человѣкѣ его слабыя или смѣшныя стороны, Воейковъ, однако же, не гнушался яркими красками для своихъ карикатуръ и часто, вмѣсто легкаго укола жаломъ сатиры, билъ, какъ говорится, обухомъ въ лобъ. Шутка тогда только и хороша, когда она не обидна. Этого нельзя было сказать про шутки Воейкова, въ которыхъ онъ доходилъ до оскорбленій. Но именно эта крупная соль, эти заушенія были въ духѣ литературы тридцатыхъ годовъ, когда писатели, ведя полемическую войну, нерѣдко затрогивали одинъ въ

другомъ достоинство человѣческое, бросая грязью даже въ семейство противника.

„Домъ Сумасшедшихъ“ Воейкова — образецъ литературной брани и того приличія, какое существовало въ тогдашней полемикѣ.

Въ 1838 г. Воейковъ завелъ съ табачнымъ фабрикантомъ Жуковымъ типографію на Сѣнной, гдѣ данъ былъ знаменитый обѣдъ, о которомъ разсказалъ печатно И. И. Панаевъ и друг. Многіе писатели подарили ему на новоселье статьи; изъ нихъ онъ составилъ „Сборникъ“ и въ печатномъ объявленіи о немъ осмѣялъ всѣхъ вкладчиковъ.

Послѣдніе годы жизни Воейкова (онъ умеръ въ 1839 г.) протекли въ страданіяхъ нравственныхъ и тѣлесныхъ. Въ юности вольнодумецъ, Воейковъ подъ старость впалъ въ ханжество, доходя до юродства. Изрѣдка вспыхивалъ въ немъ огонекъ прежняго сатирическаго дарованія, но Воейковъ былъ уже не страшенъ и сатиръ его не боялись даже слабѣйшіе его противники. Изъ нихъ особенно яростнымъ нападкамъ издавна подвергался добрый, но бездарный графъ Хвостовъ. Не довольствуясь эпиграммами оригинальными, Воейковъ язвилъ Хвостова и переводными. Такъ, въ 1826 г., онъ кольнулъ стараго метромана слѣдующей эпиграммой:

Попалась мышь! Умри—спасенья никакова!
Ты грызть пришла здѣсь Дмитріева томъ,
Межъ тѣмъ, какъ у меня валялись подъ столомъ
Творенія Хвостова.

Никому изъ противниковъ Воейкова не пришло въ голову указать на французскій подлинникъ, съ котораго онъ перевелъ свою эпиграмму, перемѣнивъ имена:

Je te tiens souris téméraire!
Un trébuchet me fait raison:
Tu me rongeais, coquine, un tome de Voltaire,
Tandis que j'avais là les oeuvres de Pradon. [1])

Считаемъ не лишнимъ указать, что Воейкову несправедливо приписываетъ г. Колбасинъ („Современникъ“ 1859 г., т. 73) довольно удачную, будто-бы предсмертную эпиграмму, въ которой изображено плачевное состояніе русской литературы исхода тридцатыхъ годовъ:

Державинъ спитъ давно въ могилѣ;
Жуковскій пишетъ чепуху,
Крыловъ молчитъ и ужъ не въ силѣ
Сварить «Демьянову уху».

[1]) «Поймалъ я тебя, дерзкая мышь! Попалась въ ловушку. Ты, негодница, грызла томъ Вольтера, а между тѣмъ у меня тутъ же лежатъ сочиненія

Между тѣмъ оказывается, что это вовсе не эпиграмма, а окончаніе довольно обширнаго „Посланія“ М. В. Милонова [1]).

Осмѣивая, на краю могилы, дѣятелей стараго поколѣнія, Воейковъ не обратилъ вниманія на мощныхъ представителей-литераторовъ поколѣнія новаго: не прозрѣлъ генія Гоголя, не замѣтилъ Лермонтова, тогда начинавшаго свое поприще; Бѣлинскаго-же Воейковъ обозвалъ „нахаломъ“ за свободное отношеніе его къ старымъ литературнымъ авторитетамъ.

„Домъ Сумасшедшихъ“ до 1854 года ходилъ по рукамъ въ спискахъ, болѣе или менѣе искаженныхъ переписчиками, подъ заглавіями „Новый Бедламъ“, „Сумасшедшій домъ“, „Жолтый домъ“. Первый отрывокъ (о кн. Шаликовѣ) былъ напечатанъ въ „Современникѣ“ (1854 г., № 1, отд. III, стр. 18—19, статья г. Гаевскаго: „О Дельвигѣ“); второй (о Сладковскомъ)—въ томъ же журналѣ (1855 г., № 4, отд. II, стр. 57, статья Пекарскаго: „Русскіе Мемуары“); третій—въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 1856 г., № 11, стр. 30, отдѣлъ критики и библіографіи. Двадцать четыре строфы, но со многими пропусками и бо̀льшею частью безъ фамилій выведенныхъ въ сатирѣ лицъ, были напечатаны въ „Сборникѣ“, изданномъ студентами императорскаго с.-петербургскаго университета (выпускъ первый, 1857 г.: „учено-литературныя замѣтки: А. Ѳ. Воейковъ“, стр. 339—343). Въ болѣе полномъ видѣ „Домъ Сумасшедшихъ“ былъ напечатанъ въ томъ же 1857 году въ „Сынѣ Отечества“ (№ 45). Печатали эту сатиру и за границею въ тамошнихъ „русскихъ сборникахъ“ и отдѣльно (въ Берлинѣ 1858 г. у Шнейдера и въ Лондонѣ), но по невѣрнымъ спискамъ и со множествомъ опечатокъ. Наконецъ, въ минувшемъ году нѣсколько строфъ изъ „Дома Сумасшедшихъ“ было напечатано въ петербургской газетѣ.

Смѣемъ надѣяться, что списокъ, съ котораго нынѣ мы печатаемъ

Прадона». Авторъ эпиграммы Гишаръ (Guichard), 1731—1811. Ее же перевелъ гораздо раньше кн. П. А. Вяземскій. См. «Собр. Русск. Стих.», изд. Жуковскимъ, 1811 года, ч. 5, стр. 221. **Ред.**

[1]) Это «Посланіе» было написано Милоновымъ къ братьямъ Княжевичамъ, въ Вѣну, и послано съ К. Н. Батюшковымъ, отправлявшимся черезъ Австрію въ Италію. Владиславъ Максимовичъ Княжевичъ передалъ мнѣ списокъ съ подлинника вмѣстѣ съ списками и многихъ другихъ, еще неизданныхъ, произведеній Милонова, съ которыми я надѣюсь вскорѣ познакомить читателей «Русской Старины». Кстати замѣтимъ, что въ рукописяхъ приписывается Воейкову эпиграмма на Пушкина, начинающаяся стихомъ: «Я вольность прежде проповѣдалъ», на которую, будто бы, Пушкинъ отвѣчалъ: «Орликомъ и въ колпакѣ» и проч. **П. Ефремовъ.**

сатиру Воейкова въ „Русской Старинѣ“, далеко оставитъ за собою своихъ предшественниковъ.

„Домъ Сумасшедшихъ“ безъ примѣчаній и поясненій не можетъ быть понятенъ большинству читающей публики. Имѣя это въ виду, мы (въ приложеніяхъ) помѣстили біографическія замѣтки и пополнили текстъ сатиры варіантами изъ многихъ списковъ.

Вотъ какъ охарактеризовалъ автора „Дома Сумасшедшихъ“ авторъ „Октавъ“, даровитый Вердеревскій, въ слѣдующей эпиграммѣ:

Окалѣченный пигмей,
Этотъ новый Асмодей
Съ сардонической улыбкой
Родился на свѣтъ ошибкой,
По подобію людей!
Сзади, спереди и въ профиль
Адски выразился въ немъ
Съ злонамѣреннымъ умомъ
Совершенный Мефистофель!

---

[1]) Къ указаніямъ, гдѣ были прежде напечатаны отдѣльныя строфы сатиры Воейкова, можно еще присоединить, что одна строфа, именно о Батюшковѣ, была помѣщена въ «Москвитянинѣ», 1855 г., №№ 23–24. П. Е.

I.

Домъ Сумасшедшихъ.

(1814—1838).

Други милые, терпѣнье!
Разскажу вамъ чудный сонъ;
Не игра воображенья,
Не случайный призракъ онъ. [1])
Нѣтъ, то мщенью предыдущій
И грозящій неба гласъ,
Къ покаянію зовущій
И пророческій для насъ.

Вечеркомъ, простившись съ вами, [2])
Въ уголку сидѣлъ одинъ
И Кутузова стихами
Я растапливалъ каминъ;
Подбавлялъ изъ Глинки сору,
И твоихъ, о Мерзляковъ,
Изъ «Амура» [3]) по сю-пору
Недочитанныхъ стиховъ!

Дымъ отъ смѣси этой ѣдкой
Носъ мнѣ сажей закоптилъ,
Но, въ награду, крѣпко, крѣпко
И пріятно усыпилъ!
Снилось мнѣ, что въ Петроградѣ,
Чрезъ Обуховъ мостъ пѣшкомъ
Перешедъ, спѣшу къ оградѣ,
И вступаю въ Желтый Домъ. [4])

Отъ любови сумасшедшихъ
Въ списокъ бѣгло я взглянулъ
И твоихъ проказъ прошедшихъ
Длинный рядъ воспомянулъ,

Карамзинъ, Титъ-Ливій русскій! [5]
        Ты, какъ Шаликовъ, вздыхалъ,
Щеголялъ, какъ шутъ французскій,
        Ахъ!.. кто молодъ не бывалъ! [6]

Я и самъ... Но сновидѣнье
        Прежде, други, разскажу.
Во второе отдѣленье
        Я чиннехонько вхожу. [7]
Тутъ одинъ — желаетъ трона,
        А другой – владѣть луной, —
И портретъ Наполеона
        Намалеванъ, какъ живой!

«Берегитесь, здѣсь Магницкій»,
        Насъ вожатый упредилъ,—
«Онъ укуситъ васъ; не близко!...»
        Я, съ боязнью, отступилъ!...
Предъ безумцемъ, на амвонѣ —
        Кавалерскихъ связка лентъ,
Просьбица о пенсіонѣ,
        Святцы, списокъ всѣхъ арендъ,

Дачъ, лѣсовъ, земель казенныхъ
        И записка о долгахъ...
Въ размышленьяхъ столь духовныхъ
        Изливалъ онъ ядъ въ словахъ:
«Горе! Добрый царь на тронѣ!
        «Вѣръ терпимость, пытокъ нѣтъ!...
«Ахъ, зачѣмъ не при Неронѣ
        «Я рожденъ на бѣлый свѣтъ?

«Благотворной бы составилъ
        «Инквизиціи проектъ;
«Въ маслѣ бы варить заставилъ [8]
        «Философовъ разныхъ сектъ;
«Заподжаривъ, такъ и съѣлъ бы
        «И роднаго я отца...
«Что ми дасте? [9]) Я поддѣлъ бы
        «И небеснаго Творца!

«Я, какъ дьяволъ, ненавижу
        «Бога, ближнихъ и царя;
«Зло имъ сдѣлать — сплю и вижу,
        «Въ честь Христова алтаря!
«Я за орденъ — христіанинъ;
        «Я за деньги — мартинистъ;
«Я за землю — мусульманинъ;
        «За аренду — атеистъ!»

Други, признаюсь: изъ кельи,
Уши я зажавъ, бѣжалъ...
Рядомъ съ ней, на новосельи,
Руничъ [10]) бѣгло бормоталъ:
«Вижу бѣсовъ предъ собою;
«Отъ ученья сгибнулъ свѣтъ....
«Этой тьмѣ Невтонъ виною
«И безбожникъ Боссюэтъ!

«Локкъ запуталъ умъ нашъ въ сѣти,
«Геллертъ сердце обольстилъ;
«Кантомъ бредятъ даже дѣти,
«Дрекслеръ нравы развратилъ!» [11])
Но, кто сей скелетъ изчахшій [12])
Изъ чулана кажетъ носъ?
То за бредни пострадавшій
Нашъ Поповъ... Чу, вздоръ понесъ!

Хочетъ мельницу построить,
Пушку слить, палаты скласть,
Силу пороха удвоить,
Отъ громовъ домъ божій спасть;
Справить сломанную ногу,
Съ глазъ слѣпаго бѣльмы снять:
«Не учись, молися Богу,—
«И пошлетъ Онъ благодать

«Смирненькой своей овечкѣ;
«Ниспошлетъ чертежъ, размѣръ,
«Пробу пороху въ мѣшечкѣ...
«Благодати я примѣръ:
«Хоть безъ книжнаго ученья
«И псалтырь одну читалъ,
«А директоръ просвѣщенья,
«И съ звѣздою генералъ!» [13])

Слыша рѣчь сію невѣжды,
Сумасброда я жалѣлъ:
Ни малѣйшія надежды
Къ излеченью не имѣлъ.
Нашъ Кавелинъ не далеко,
Тамъ, въ чуланѣ, засѣдалъ
И, горѣ воздѣвши око,
Исповѣдь свою читалъ:

«Какъ! меня лишать свободы
«И сажать въ безумный домъ?
«Я подлецъ уже съ природы,
«Сорокъ лѣтъ хожу глупцомъ

«И Магницкій вѣчно мною,
«Какъ тряпицей черной, третъ;
«Какъ кривою кочергою
«Загребаетъ или бьетъ!»

Ба! Зачѣмъ здѣсь князь Ширинскій?
Какъ палачъ умовъ здѣсь тихъ!
Это что? «Уставъ Алжирскій
О печатаніи книгъ!»
Вкругъ него кнуты, батоги
И Красовскій—ноздри рвать! [14])
Я, скорѣй — давай Богъ ноги!
Здѣсь не мѣсто разсуждать!

Вотъ Перовскій. Безпрестанно
Онъ коверкаетъ лицо —
Кошкой, волкомъ, обезьяной;
То свернется весь въ кольцо,
То у сильныхъ ноги лижетъ,
То безсильныхъ гонитъ вонъ;
То гроши на нитку нижетъ,
То брянчитъ на счетахъ онъ! [15] и [16])

Вотъ онъ — Пушкина убійца,
Легкомысленный французъ,
Развращенный кровопійца,—
Огорчилъ святую Русь;
Схоронилъ нашъ кладъ завѣтный,
Въ землю скрылъ талантъ пѣвца,
Вырвалъ камень самоцвѣтный
Онъ изъ царскаго вѣнца!

— Что за страшныхъ двухъ сосѣдовъ
У стѣны ты приковалъ?
«Это пара людоѣдовъ!»
Надзиратель отвѣчалъ,—
«Аракчеева обноски! [17])
«Страшно съ цѣпи ихъ спустить:
«Злы какъ псы, какъ черви — плоски,
«Трудно ихъ и раздавить!» [18])

Я дрожащими шагами [19])
Черезъ залу перешелъ
И увидѣлъ надъ дверями
Очень четко: «Сей отдѣлъ
«Прозаистамъ и поэтамъ,
«Журналистамъ, авторамъ:
«Не по чину, не по лѣтамъ
«Здѣсь мѣста—по нумерамъ.»

Двери настежъ надзиратель
Отворя, мнѣ говоритъ:
«Нумеръ первый: вашъ пріятель
«Каченовскій здѣсь сидитъ.
«Букву Э, на ешафотѣ,
«Съ торжествомъ и пѣньемъ жжетъ; [20])
«Умъ его всегда въ работѣ:
«По крюкамъ стихи поетъ;

«То кавыки созерцаетъ,
«То, обнюхивая гниль,
«Духу розъ предпочитаетъ;
«То сметаетъ съ книжекъ пыль
«И, въ восторгѣ восклицая,
«Набиваетъ ею ротъ:
— Соръ славянскій, пыль родная,
Слаще ты — чѣмъ медъ и сотъ!»

Вотъ, на розовой цѣпочкѣ,
Спичка Шаликовъ, въ слезахъ,
Разрумяненный, въ вѣночкѣ,
Въ ярко-бланжевыхъ чулкахъ,
Прижимаетъ вѣникъ страстно,
Кличетъ «грацій здѣшнихъ мѣстъ» [21])
И, мяуча сладострастно,
Размазню безъ масла ѣстъ.

Нумеръ третій: на лежанкѣ
Истый Глинка возсѣдитъ;
Передъ нимъ «духъ русскій» въ склянкѣ
Не закупоренъ стоитъ.
«Книга Кормчая» отверзта
И уста отворены,
Сложены десной два перста,
Очи вверхъ устремлены.

«О Расинъ, откуда слава?
«Я тебя, дружокъ, поймалъ:
«Изъ россійскаго «Стоглава»
«Ты «Гоѳолію» укралъ!
«Чувствъ возвышенныхъ сіянье,
«Выраженій красота
«Въ Андромахѣ—подражанье
«Погребенію кота!»

— Ты-ль, Хвостовъ? къ нему вошедши,
Вскрикнулъ я: тебѣ-ль здѣсь быть?
Ты дуракъ—не сумасшедшій,
Не съ чего тебѣ сходить!

«Въ Буало я смыслъ убавилъ,
«Ляфонтена я убилъ
«И Расина обезславилъ!» [22])
Быстро онъ проговорилъ,

И читать мнѣ началъ оду...
Я искусно ускользнулъ
Отъ мучителя; но въ воду
Прямо изъ огня юркнулъ:
Здѣсь, старикъ, съ лицомъ печальнымъ,
Буквъ славянскихъ красоту—
Мажетъ золотомъ сусальнымъ
Пресловутую ѳиту.

И на утвари повсюду
Коронованные кси,
Старовѣрскихъ книжекъ груду,
И въ окладѣ юсъ и пси,
Томъ, въ сафьянъ переплетенный,
Тредьяковскаго стиховъ
Я увидѣлъ изумленный —
И узналъ, что то Шишковъ.

Вотъ Сладковскій Восклицаетъ:
«Се, се россы! се самъ Петръ!
«Се со всѣхъ сторонъ зіяетъ
«Молнія изъ тучныхъ нѣдръ.
«И чрезъ Ворсклу, при преправѣ,
«Градовъ на сушѣ творецъ
«Съ дрогостью [23]) пошелъ ко славѣ,
«А поэмѣ сей конецъ!»

Вотъ Жуковскій [24]): въ саванъ длинный
Скутанъ, лапочки крестомъ;
Ноги вытянувши чинно,
Чорта дразнитъ языкомъ;
Видѣть вѣдьмъ воображаетъ:
То глазкомъ имъ подмигнетъ;
То кадитъ, и отпѣваетъ,
И трезвонитъ, и реветъ.

Вотъ Кутузовъ: онъ зубами
Бюстъ грызетъ Карамзина;
Пѣна съ устъ течетъ ручьями,
Кровью грудь обагрена!
Но напрасно мраморъ гложетъ,
Только время тратитъ въ томъ:
Онъ вредить ему не можетъ
Ни зубами, ни перомъ! [25])

А Станевичъ, въ отдаленьи
Усмотрѣвъ, что это я,
Возопилъ въ остервененьи:
«Міръ, потомство! За меня
«Злому критику отмстите...
«Мой изъ бронзы выливъ ликъ,
«Монументъ соорудите—
«Я великъ, великъ, великъ!»

— Какъ и ты безсмертьемъ льстишься
О, червякъ, отецъ червей!
Я сказалъ — и ты стремишься
Къ славѣ изъ норы твоей?
«Дворъ читалъ мои творенья» —
Прервалъ онъ — «и государь
«Долженъ въ знакъ благоволенья....»
— Стой, дружокъ! нашъ добрый царь

Дѣлъ безъ насъ имѣетъ кучу:
То смиряетъ смутный міръ,
Отъ царей отводитъ тучу,
То даетъ сосѣдямъ пиръ;
То съ вельможами хлопочетъ;
То ссылаетъ въ ссылку зло;
А тебя и знать не хочетъ.
Посиди — тебѣ тепло! —

Чудо! подъ окномъ, на вѣткѣ,
Крошка Батюшковъ виситъ
Въ свѣтлой, проволочной клѣткѣ;
Въ баночку съ водой глядитъ,
И поетъ онъ сладкогласно:
«Тихъ, спокоенъ сверху видъ,
«Но спустись на дно—ужасный
«Крокодилъ на немъ лежитъ» [26]).

Вотъ чужихъ статей писатель
И маляръ чужихъ картинъ,
Книгъ безграмотныхъ издатель,
Сѣверный орелъ - Свиньинъ.
Онъ фальшивою монетой
Цѣлый вѣкъ перебивалъ
И, оплеванный всѣмъ свѣтомъ,
На цѣпи пріютъ сыскалъ.

Вотъ Измайловъ — авторъ басенъ,
Разсужденій, эпиграммъ;
Онъ пищитъ мнѣ: «Я согласенъ,
«Я писатель не для дамъ!

«Мой предметъ: носы съ прыщами;
«Ходимъ съ музою въ трактиръ
«Водку пить, ѣсть лукъ съ сельдями...
«Міръ квартальныхъ—вотъ мой міръ».

Вотъ и Гречъ—нахалъ въ натурѣ,
Изъ чужихъ лоскутьевъ сшитъ;
Онъ — цыганъ въ литературѣ,
А въ торговлѣ книжной — жидъ.
Вспоминая о прошедшемъ,
Я дивился лишь тому,
Почему онъ въ сумасшедшемъ —
Не въ смирительномъ дому? [27]

Тутъ кто? Гречева собака
Забѣжала вмѣстѣ съ нимъ:
То — Булгаринъ, забіяка
Съ рыломъ мосичьимъ своимъ.
Съ саблей, въ петлѣ... «А французской
«Крестъ ужель надѣть забылъ?
«Вѣдь его ты кровью русской
«И предательствомъ купилъ! [28]

— Что-жъ онъ дѣлаетъ здѣсь? — «Лаетъ,
«Брызжетъ пѣною съ брылей,
«Мечется, рычитъ, кусаетъ
«И домашнихъ, и друзей».
— Но на чемъ онъ сталъ помѣшанъ?
«Совѣсть—умъ свихнула въ немъ:
«Все боится быть повѣшенъ,
«Или высѣченъ кнутомъ».

Тутъ, что за щенокъ у входа
Весь дрожитъ, поджавши хвостъ?
Какъ безжалостно природа
Окарнала его ростъ!
Какъ портными укороченъ
Фракъ единственный, дрянной!
Трусъ, какъ прячетъ отъ пощечинъ
Сухощавый ликъ онъ свой...

Луковка торчитъ въ кафтанѣ,
Оттопырясь, какъ часы;
Стекла битыя въ карманѣ [29]
И обгрызокъ колбасы.
Кто-бъ изъ пишущихъ героевъ
Могъ такимъ быть мозглякомъ?
Лысый бѣсъ—Владиміръ Строевъ,
Греча лѣвый глазъ съ бѣльмомъ!

Вотъ въ передней—рабъ-писатель,
Каразинъ—хамелеонъ,
Земледѣлъ, законодатель...
Взглянемъ: что мараетъ онъ?
Пѣснь свободѣ, деспотизму;
Брань и лесть властямъ земнымъ,
Гимнъ хвалебный атеизму
И акафистъ всѣмъ святымъ! [30])

Вотъ Грузинцевъ: онъ въ коронѣ
И въ сандаліяхъ, какъ царь;
Гордъ въ мишурномъ онъ хитонѣ,
Держитъ греческій букварь.
— Вѣрно ваши сочиненья?
Скромно сдѣлалъ я вопросъ....
«Нѣтъ, Софокловы творенья!»
Отвѣчалъ онъ, вздернувъ носъ.

Вотъ Козловъ: глупецъ увѣренъ,
Что съ Жуковскимъ равенъ онъ.
Низокъ, пустъ, высокомѣренъ
И въ стихи свои влюбленъ.
Принужденными займами
У графинь, княгинь, друзей—
Сытъ и пышенъ! Вотъ съ стихами
Шлетъ онъ къ Смирдину скорѣй,

Чтобъ купилъ онъ ихъ дороже...
Продалъ, деньги получилъ;
Всѣ расплаты ждутъ... и что же?
Онъ въ ломбардъ ихъ положилъ
Для дѣтей.... Плохое средство,
Недостойное пѣвца!
Дѣтямъ лучшее наслѣдство —
Имя честное отца. [31])

Вотъ онъ, съ харей фарисейской,
Петръ Иванычъ «осударь»,
Академіи «расейской»
Непремѣнный секретарь. [32])
Ничего не сочиняетъ,
Ничего не издаетъ,—
Три оклада получаетъ
И столовыя беретъ.

На дворѣ Академіи
Грядъ капусты накопалъ,
Не пріютъ пѣвцамъ Россіи,
А лабазъ для дегтю склалъ,

Въ Академіяхъ бываютъ
Дураки, такъ было встарь;
Въ нашей — двое засѣдаютъ:
Президентъ и секретарь.

Вотъ въ порожней бочкѣ винной
Цѣловальникъ Полевой—
И безштанный, и безчинный... [33])
Сталось что съ его башкой?
Спѣсь съ корыстью въ ней столкнулись,
И отъ натиска того—
Умъ и сердце повернулись
Вверхъ ногами у него.

Самохвалъ, завистникъ жалкой,
Надувало ремесломъ,
Битый рюриковой палкой
И санскритскимъ батожьемъ... [34])
Подлъ—какъ рабъ, надутъ—какъ баринъ,
Онъ, чтобъ вкратцѣ кончить рѣчь:
Благороденъ, какъ Булгаринъ,
Безкорыстенъ такъ, какъ Гречъ.

Вотъ Сенковскій «сей и оный»:
Гадокъ, страшенъ, черепъ, рябъ.
Онъ—полякъ низкопоклонный,
Силы, знати, денегъ—рабъ.
Полеваго самохвальство,
И Булгарина задоръ,
И Бѣлинскаго нахальство
Совмѣстилъ въ себѣ... въ позоръ! [35])

Вотъ «Кадетомъ» заклейменый
Меценатъ Карлгофъ—поэтъ,
Въ общемъ мнѣньи зачерненый,
И Булгарина клевретъ.
Худъ, мизеренъ, сплюснутъ съ вида,
Сухощавъ душой своей...
Отвратительная гнида
Съ Аполлоновыхъ ..... [36])

Я бѣгомъ безъ дальнихъ сборовъ...
«Вотъ, еще», сказали мнѣ;
Я смотрю: Максимъ Невзоровъ
Углемъ пишетъ на стѣнѣ:
«Еслибъ такъ, какъ на Вольтера
«Былъ на мой журналъ расходъ
«Пострадала-бъ горько вѣра!
«Я вреднѣй, чѣмъ Дидеротъ.» [37])

От досады и отъ смѣху
Утомленъ, я вонъ спѣшилъ
Горькую прервать потѣху...
Но смотритель доложилъ:
«Ради вы, или не ради,
«Но указъ ужъ полученъ:
«Вамъ нельзя отсель ни пяди!»
И указъ тотчасъ прочтенъ:

— «Тотъ Воейковъ, что бранился,
Съ Гречемъ въ подлый бой вступалъ,
Что съ Булгаринымъ возился
И себя тѣмъ замаралъ [38]),—
Долженъ быть, какъ сумасбродный,
«Самъ посаженъ въ «Желтый Домъ».
«Голову обрить сегодня
«И тереть почаще льдомъ!»

Выслушавъ, я ужаснулся,
Хладъ по жиламъ пробѣжалъ,—
И, проснувшись, не очнулся
И не вѣрилъ самъ, что спалъ!
Други, вашего совѣту!
Безъ него я не рѣшусь:
Не писать—не жить поэту,
А писать начать - боюсь! [39])

Женское отдѣленіе.

Въ теченіе двадцати четырехъ лѣтъ (съ 1814 по 1838 гг.), дополняя и даже „переполняя“ свой „Домъ Сумасшедшихъ“, Воейковъ списывалъ свои карикатуры съ литераторовъ двухъ поколѣній: стараго и новаго. Всѣ куплеты о нихъ перемѣшаны, отчего привести ихъ въ хронологическій порядокъ—невозможно.

Не довольствуясь писателями-мужчинами, Воейковъ, въ послѣдніе годы жизни, увеличилъ свою галерею карикатуръ еще „Женскимъ Отдѣленіемъ“, въ которое помѣстилъ трехъ особъ.

Насколько остры и язвительны нѣкоторыя строфы „Дома Сумасшедшихъ“, настолько его „Женское Отдѣленіе“—вяло, безцвѣтно и не отличается остроуміемъ. Тѣмъ не менѣе, для полноты печатаемаго нами списка сатиры Воейкова, приводимъ слѣдующія строфы:

Вотъ Шишкова.. Кто не слышалъ!
Въ женской юбкѣ гренадеръ...
За нее-то замужъ вышелъ
Нашъ столѣтній старовѣръ;

На старушкѣ токъ атласный
Въ лентахъ, перьяхъ и цвѣтахъ;
Въ желтомъ платьѣ, поясъ красный,
И въ пунсовыхъ башмакахъ.

Причтъ поповъ и полкъ гусаровъ,
Князь Кутузовъ, князь Рѣпнинъ
Битый Корсаковъ, Кайсаровъ,
И Огарковъ, и Свѣчинъ,[40]) —
Всѣ валитесь хлюстомъ—сердце
Пресширокое у ней...
Да и въ старикѣ-младенцѣ
Кладъ—не мужъ достался ей!

Вотъ, Темира: вкругъ разбросанъ
Перьевъ пукъ, тряпицъ, газетъ;
Ангелъ дьяволомъ причесанъ
И чертовкою одѣтъ..
Карлица и великанша,
Смѣсь съ юродствомъ красоты:
По талантамъ—генеральша,
По причудамъ--прачка ты!

Вотъ картежница Хвостова
И табачница къ тому-жъ!
Кто тошнѣй одинъ другого,
Гаже кто — жена, иль мужъ?
Оба—«притча во языцѣхъ»:
Онъ подъ-масть ей угодилъ:
Кралю трефовую въ лицахъ
Козырной холопъ прикрылъ!

Сообщ. **П. А. Ефремовъ.**

Разночтенія по многимъ спискамъ сатиры „Домъ Сумасшедшихъ“.

---

1) По другимъ спискамъ и въ «Сборникѣ Студентовъ»:

Не паровъ смѣшенье онъ.

2) Въ заграничномъ изданіи:

...разставшись съ вами.

3) Въ заграничномъ изданіи:

Изъ Омира по-сю-пору.

4) До перенесенія на петергофскую дорогу, Домъ умалишенныхъ помѣщался въ зданіи Обуховской больницы и, по цвѣту стѣнъ, назывался въ просторѣчіи «Желтымъ».

5) Варіантъ:

О, Катенинъ, долгъ романамъ
Былъ тобою заплаченъ...
Но, сказавъ: прости обманамъ,
Ты давно ужъ сталъ уменъ!

6) По другимъ спискамъ послѣднія четыре стиха относятся къ Ѳ. Ѳ. Кокошкину:

О, Кокошкинъ, долгъ романамъ
Весь тобою заплаченъ;
Но, сказавъ прости обманамъ,
Ты давно ужъ сталъ уменъ!

7) По другимъ спискамъ:

«Во второе отдѣленье
«Бѣшеныхъ глупцовъ вхожу».

Всѣ переименованныя лица въ слѣдующихъ строфахъ приписаны ко «второму отдѣленію» въ разное время.

8) Въ нѣкоторыхъ спискахъ варіантъ:

При себѣ бы сѣчь заставилъ,

что нисколько не вяжется съ послѣдующей строфой. Несомнѣнно, что при перепискѣ сатиры Воейкова многіе произвольно «подправляли» и измѣняли стихи.

9) Въ другихъ спискахъ: «что даете?» или «что дадите?»

10) Въ иныхъ спискахъ: «Злуничъ».

11) Вмѣсто Дрекслеръ въ иныхъ спискахъ: Дженнеръ.
По другимъ спискамъ варіантъ:

Полнъ неистовой отваги,
Доморощеный Омаръ
Книги дралъ, бросалъ бумаги
Въ напылавшей печки жаръ!

12) Въ заграничномъ изданіи:

Кто, скелетъ сей изхудавшій,
Изъ чулана кажетъ носъ?

13) Въ первоначальной редакціи:

«Видишь: грамоты не знаю,
«Не учился, не читалъ,
«А россіянъ просвѣщаю
«И съ звѣздою генералъ!»

14) Въ нѣкоторыхъ спискахъ вмѣсто Красовскій—«Трусовскій» или просто.

«И щипцы, что-бъ ноздри рвать!»

15 и 16) Варіанты:

Вотъ, на яицахъ «насѣдкой»
Сидя, клохчетъ сумасбродъ,
Въ самомъ «Желтомъ Домѣ» рѣдкой!
Передъ нимъ кружится «котъ»,
«Кукла» страстно водитъ глазки,
«Обезьяна» скалитъ ротъ...
Онъ имъ сказываетъ сказки
И медовый макъ жуетъ.

Но тутъ дива нѣтъ большова:
Спятить долго-ль и уму
На конюшнѣ у Шишкова
И у Ливена въ хлѣву!
— «Жаль,—и вѣрно отъ собратовъ
Одурѣлъ онъ? я сказалъ,—
Укусилъ его Шихматовъ,
Иль Шишковъ поцѣловалъ».

Кромѣ того, имѣется слѣдующій варьянтъ:

Вотъ, на яицахъ насѣдкой
Сидя, клохчетъ сумасбродъ
И россійскія заѣдки
Медовой онъ макъ жуетъ...
Вотъ чудакъ! предъ нимъ попарно
Съ обезьяной черный котъ
И совѣтникъ титулярный
Съ куклой важно рѣчь ведетъ.
— Кто-жъ бы это былъ? — «Перовскій»,

Мнѣ товарищъ прошепталъ.
— Ужъ не тотъ-ли, что геройски
Турокъ въ Варнѣ откаталъ?
Иль, что взятчиковъ по-свойски
Изъ удѣловъ выгналъ вонъ?—

«Нѣтъ! Писака, франтъ московскій;
Въ кругъ ученый лѣзетъ онъ».

17) Варіанты:

Эти двойни-недоноски
Вельзевуловы обноски......

18) Намъ неизвѣстно, къ кому именно относится эта строфа.

19) Варіантъ:

Я поспѣшными шагами.

20) Варіантъ:

«Съ торжествомъ въ огнѣ онъ жжетъ».

21) Варіантъ:

Кличетъ «грацій нужныхъ мѣстъ».

22) Варіантъ: «перепривилъ»; а для всѣхъ четырехъ стиховъ:

«Я достоинъ быть повѣшенъ»,
Онъ въ слезахъ мнѣ говоритъ:
«Каюся, я много грѣшенъ,
«Ахъ! и я... и я піитъ!»

23) «Дрогость», по мнѣнію Сладковскаго, тоже, что «дрожь», «содроганіе». Въ другихъ спискахъ и заграничномъ изданіи:

Съ дерзостью пошелъ ко славѣ!

24) Воейкову, женатому на племянницѣ Жуковскаго, незлобивый пѣвецъ «Свѣтланы» помогалъ и покровительствовалъ. Пародируя «Пѣвца въ станѣ русскихъ воиновъ», Батюшковъ затронулъ Воейкова, впрочемъ, довольно остро и мило:

Хвала Воейковъ: кротъ, «Сады
Делилевы» изрывшій
И царскосельскіе пруды
Стихами затопившій!
Предъ нимъ, за нимъ свистятъ свистки
И воетъ горько муза,
Онъ бодръ! Виргилія въ толчки,
Пинкомъ Делиля въ пузо!

На острую шутку Воейковъ отвѣчалъ грубою бранью на самого Жуковскаго, вѣроятно, не подозрѣвая настоящаго автора передѣлки:

Хвала сподвижникамъ—пѣвцамъ!
Жуковскій, пѣвчій юный!
Ты — кравамъ братъ, ты — другъ осламъ;
Твои для слуха струны—
Визгъ поросятъ, какъ ихъ сѣкутъ
Распаренною розгой;
Ревешь, какъ сто чертей ревутъ,—
Хвала башкѣ безмозглой!

25) Доносъ Кутузова на Карамзина былъ напечатанъ въ «Чтеніяхъ Моск. Общ. Исторіи и Древн.».

26) Варіантъ:

И поетъ пѣвецъ согласный:
«Тихъ спокоенъ сверху видъ...
Но спустись туда — ужасно!
Крокодилъ на днѣ лежитъ».

27) Въ первоначальной редакціи строфа была слѣдующая:

Вотъ нашъ Гречъ. рукой нескромной
Цѣлыхъ полгода, безъ сна,
Изъ тетрадищи огромной
Моряка-Головнина
Онъ страницы выдираетъ
И – отъявленный нахалъ –
Въ уголку иглой вшиваетъ
Ихъ въ недѣльный свой журналъ!

28) Въ нѣкоторыхъ спискахъ вмѣсто: «Булгаринъ» — «Флюгаринъ».

29) Въ другихъ спискахъ:

Стекла отъ очковъ въ карманѣ,

что не риѳмуется съ первымъ стихомъ, или строки должны быть перемѣщены. «Стекла отъ очковъ въ карманѣ»—намекъ на одно непріятное столкновеніе Строева съ Булгаринымъ, вслѣдствіе котораго у Строева разбились очки...

Въ иныхъ спискахъ, очевидно невѣрныхъ:

Луковка торчитъ въ карманѣ
Оттопырясь, какъ часы;
Тутъ же вошка на арканѣ
И обгрызокъ колбасы.

20) Въ нѣкоторыхъ спискахъ:

Филантропъ, законодатель..

Въ заграничномъ изданіи здѣсь былъ названъ Карамзинъ и эта опечатка подала поводъ г. Колбасину, повидимому вовсе не знавшему ни одного списка стихотворенія, защищать Карамзина противъ Воейкова.

31) Воейковъ, особенно изощряя сатирическія выходки противъ Козлова, нѣсколько разъ переправлялъ и подтачивалъ свои стихи. По первоначальной редакціи они были слѣдующіе:

Вотъ Козловъ. Его смѣшнѣе
Дурака я не видалъ:
Модный фракъ, жабо на шеѣ....
Будто только отплясалъ
Котильонъ, нашъ франтъ убогій,
И, къ себѣ питая страсть,
Мѣтитъ прямо въ полу-боги,
Или въ Пушкины попасть!

И, представьте, онъ увѣренъ
Что съ Жуковскимъ равенъ онъ.
Низокъ, пустъ, высокомѣренъ
И въ стихи свои влюбленъ.

«Допущу къ своей персонѣ,
«Осчастливлю васъ, прочтя
«Мои стансы о Байронѣ.......
«Что поэтъ великій я —
«И Жуковскій въ томъ согласенъ,
«И мадамъ Лаваль сама!»
Какъ онъ жалокъ, какъ несчастенъ:
Слѣпъ, безъ ногъ и безъ ума!

Потомъ стихи еще разъ были переправлены:

Вотъ Козловъ. Его смѣшнѣе
Дурака я не видалъ:
Модный фракъ, жабо на шеѣ,
Будто только отплясалъ.
Но, жестоко—я согласенъ—
Покаралъ его злой рокъ...
Какъ бѣдняга сей несчастенъ:
Слѣпъ, безъ ногъ и безъ сапогъ!

А все водится съ князьями...
Низокъ, пышенъ, пустъ, спѣсивъ;
Принужденными займами
Деньги нищеты скопивъ,
Шлетъ для дочки въ банкъ ихъ... Средство,
Недостойное пѣвца!
Дѣтямъ лучшее наслѣдство —
Имя честное отца.

32) Варіантъ:

Онъ сто лѣтъ ужъ секретарь.

33) Буквальный переводъ французскаго: sansculotte, и намекъ на происхожденіе Полеваго. Онъ былъ изъ купеческаго званія, безчинный, т. е. не имѣющій чина.

34) Намекъ на одну личную непріятность, причиненную Полевому княземъ Юсуповымъ.

35) Варіантъ: Что съ нимъ долго тарабарить?
Вѣдь натура въ немъ не та:
Лучше просто пріударить
Полячишку въ три кнута!

Варіантъ, сочиненный или приписанный себѣ В. Любичъ-Романовичемъ, найденъ нами въ подлинникѣ, въ бумагахъ В. Г. Анастасевича.

Вотъ Сенковскій «сей и оный»:
Низокъ, дерзокъ, черенъ, рябъ;
Онъ нахалъ низкопоклонный,
Знати, власти, денегъ рабъ.
Подлость, наглость, самохвальство
Съединилъ себѣ въ позоръ;
Полеваго въ немъ нахальство
И Бѣлинскаго задоръ!

36) Въ рукописи непечатное слово.

37) Варіантъ послѣднихъ четырехъ стиховъ:

«Еслибъ, какъ стихи Вольтера,
«Христіанскій мой журналъ
«Расходился... Горе! вѣра,
«Я тебя бы доканалъ!»

По другимъ спискамъ:

Слогъ мой сладокъ какъ микстура;
Мысли громки — безъ ума;
Толстая моя фигура
Такъ пріятна—какъ чума!

Я въ твореніяхъ священныхъ
И въ большихъ пяти частяхь
Книжекъ, мною сочиненныхъ,
Доказалъ, что я дуракъ!

38) По спискамъ 1814 года:

Тотъ Воейковъ, что Делиля
Столь безбожно исказилъ;
Уходить хотѣлъ «Эмиля»
И Виргилію грозилъ.

Позднѣйшіе варіанты:

1.

Тотъ Воейковъ, что бранился,
Съ Гречемъ въ подлый бой вступалъ,
Что съ Булгаринымъ возился
И себя тѣмъ запятналъ.

2.

Тотъ Воейковъ, что за стойкой
Съ пьянымъ Гречемъ подрался;
Что Булгарину нисколько,
Грызшись съ нимъ, не поддался!

Послѣ Воейкова остался портретъ, на которомъ онъ, по его собственному желанію, былъ нарисованъ въ полосатомъ халатѣ и въ мѣховой шапкѣ въ домѣ сумасшедшихъ. На стѣнѣ виситъ цѣпь; изображено зданіе съ надписью: «Домъ сумасшедшихъ. Отдѣленіе III. № 27»; передъ заключеннымъ листъ бумаги съ четверостишіемъ:

Вотъ Воейковъ, что бранился,
Честь свою тѣмъ запятналъ,
Что съ Булгаринымъ возился
И въ безумный домъ попалъ.

39) Варіантъ:

Други, я къ вамъ за совѣтомъ,
Безъ него я не рѣшусь:
Не писать—не быть поэтомъ!
А начать писать боюсь!

Въ 1837 г. (14-го августа) В. Любичъ-Романовичъ дополнилъ «Домъ Сумасшедшихъ» слѣдующею строфою:

Вотъ Воейковъ хромоногій,
Съ палкой, въ картузѣ, въ очкахъ,
Безтолковый критикъ, строгій,
Дерзкій, грязный на словахъ.
Мечется на всѣхъ онъ, лаетъ,
Эпиграммою ворчитъ:
Друга, недруга ругаетъ.
Но, безсильный — не вредитъ!

Изъ бумагъ Анастасевича.

40) Въ другихъ спискахъ:

И Огаркинъ, и Свѣчинъ!

Сообщ. **А. П. Ефремовъ.**

Біографическія замѣтки о лицахъ, упомянутыхъ въ сатирѣ „Домъ Сумасшедшихъ“.

Батюшковъ, Константинъ Николаевичъ (род. 18-го мая 1787 г., скончался 17-го іюня 1855 г.), посвятилъ себя литературѣ съ 19-ти лѣтняго возраста, помѣщая свои стихотворенія въ повременныхъ изданіяхъ 1800-хъ годовъ. Съ 1807 по 1809 г. находился въ военной службѣ, былъ раненъ въ ногу и это увѣчье имѣло огромное вліяніе на здоровье Батюшкова, у котораго было наслѣдственное расположеніе къ помѣшательству. 1812-й годъ опять увлекъ его на ратное поле. До 1822 года Батюшковъ дарилъ отечественную литературу своими произведеніями; затѣмъ умолкъ—и разсудокъ его погрузился въ непроглядный мракъ, продолжавшійся до самой кончины. Называя Батюшкова „крошкою“, Воейковъ намекалъ на его маленькій ростъ. Здѣсь не мѣсто исчислять его произведенія; лучшія изъ нихъ напечатаны во всѣхъ хрестоматіяхъ; то, что „поетъ“ Батюшковъ, взято Воейковымъ изъ его стихотвореній.

Булгаринъ, Ѳаддей Венедиктовичъ (род. 24-го іюня 1789 г., скончался 1859 г.). Въ свое время пользовался большой извѣстностью, какъ редакторъ „Сѣверной Пчелы“ (съ Гречемъ), какъ романистъ, наконецъ, какъ первый (по времени) русскій фельетонистъ. Ожесточенную полемику вели съ нимъ Пушкинъ (въ особенности подъ псевдонимомъ Косичкина), Полевой и другіе. Біографія Булгарина, написанная Н. И. Гречемъ, была напечатана въ „Русской Старинѣ“ (см. т. IV, изд. 1871 г., стр. 483—523).

Бѣлинскій, Виссаріонъ Григорьевичъ (род. въ 1811 г., скончался 26-го мая 1848 года). Единственный и нынѣ неподражаемый критикъ и эстетикъ. Озлобленный Воейковъ, враждебно относясь къ новому поколѣнію литераторовъ, не понялъ и не оцѣнилъ Бѣлинскаго, называя въ немъ „нахальствомъ“ задушевную искренность, вытекавшую изъ убѣжденій Бѣлинскаго, въ нихъ твердаго и неподкупнаго.

Вейдемейеръ, Темира, т. е., Татьяна Васильевна, рожденная Херхеулидзева. Любительница литературы, пріятельница Жуковскаго, Ко-

злова и многихъ другихъ именитыхъ литераторовъ. Воображая, что знакомство со знаменитостями даетъ и ей право на знаменитость, Темира (г-жа Вейдемейеръ носила это прозвище) сама просила Воейкова помѣстить ее въ „Домъ Сумасшедшихъ“, ожидая отъ автора, можетъ быть, льстиваго мадригала; но нашъ Діогенъ отвѣчалъ этой Аспазіи топорными грубостями.

Глинка, Сергѣй Николаевичъ (род. 1775 г., скончался 1847 г.), одинъ изъ честнѣйшихъ и истинно благородныхъ людей своего времени. Первый ратникъ московскаго ополченія, пламенный патріотъ, редакторъ „Русскаго Вѣстника“ и приверженецъ славянщины. Подлинныя его записки находятся въ распоряженіи редакціи „Русской Старины“.

Глинка, Ѳедоръ Николаевичъ (род. 1787 г.). Этотъ, нынѣ здравствующій, маститый поэтъ, началъ свое литературное поприще не задолго до того времени, когда Воейковъ осмѣялъ его брата въ своей сатирѣ (см. 24-ю и 25-ю строфы).

Голенищевъ-Кутузовъ, Павелъ Ивановичъ (род. 1767 г., скончался 1828 г.). Переводчикъ нестерпимыми стихами: Грея, Пиндара, Гезіода, Ѳеокрита и Сафо.

Гречъ, Николай Ивановичъ (род. 3-го августа 1787 г., скончался 12-го января 1867 г.). Съ 1807 по 1841 годъ редактировалъ до пятнадцати газетъ и журналовъ, изъ которыхъ „Сынъ Отечества“ (съ 1812) и „Сѣверная Пчела“ (съ 1825 г.) были въ свое время самыми распространенными органами русской печати. Хорошо образованный, обладая даромъ слова, Гречъ былъ пріятнымъ собесѣдникомъ. Въ литературномъ мірѣ онъ нажилъ себѣ много враговъ и ненавистниковъ; изъ нихъ Воейковъ былъ первымъ. Гречъ питалъ къ нему непреодолимое отвращеніе, болѣе какъ къ человѣку, нежели — писателю. Въ своихъ Запискахъ онъ посвятилъ довольно большой и весьма рѣзкій очеркъ біографіи Воейкова. (См. далѣе, стр. 621—643).

Грузинцевъ, Александръ Николаевичъ. Въ первые годы царствованія Александра I славился, какъ драматургъ и строгій послѣдователь классицизма. Изъ его трагедій имѣла особенный успѣхъ: „Эдипъ-царь“ (1812). Имъ-же были написаны поэмы: „Петріада“ и „Спасенная и освобожденная Россія“.

Д'Антесъ-Геккернъ, побочный сынъ голландскаго посланника Геккерна, кавалергардскій офицеръ, убившій на дуэли А. С. Пушкина. Высланный за границу, онъ служилъ во Франціи по дипломатической части и при Наполеонѣ III былъ сенаторомъ. Скончался незадолго до паденія своего властелина.

Жуковскій, Василій Андреевичъ (род. 29-го января 1783 г., скончался 12-го апрѣля 1852 г.), знаменитый поэтъ и переводчикъ.

Измайловъ, Александръ Ефимовичъ (1779 — 1831), баснописецъ не безъ дарованія, редакторъ журнала: „Благонамѣренный". Называлъ себя „Теньеромъ", намекая на свои басни во вкусѣ фламандской школы: рѣдкая изъ нихъ безъ руготни или „мордобитія". Его сатиры и эпиграммы очень грубоваты. Отличительною чертою Измайлова было добродушіе, за которое его многіе любили.

Кавелинъ, Димитрій Александровичъ. Былъ директоромъ педагогическаго института. Въ статьѣ г. Колбасина: „Воейковъ съ его сатирою Домъ Сумасшедшихъ" („Современникъ" 1859 г., т. LXXIII, стр. 284) онъ названъ директоромъ благороднаго пансіона при педагогическомъ институтѣ. Печальная его дѣятельность, какъ сподручника Магницкаго, въ дѣлѣ профессоровъ петербургскаго университета, подробно изложена въ „Чтеніяхъ Общества Исторіи и Древностей" и въ книгѣ М. И. Сухомлинова: „Матеріалы для исторіи просвѣщенія въ Россіи при императорѣ Александрѣ I".

Каразинъ, Василій Назаровичъ (род. 30-го января 1773 г., скончался 4-го ноября 1842 г.). Язвительныя выходки Воейкова не могутъ быть примѣнимы къ этому достойнѣйшему человѣку и гражданину, ознаменовавшему свою жизнь множествомъ заслугъ на пользу горячо любимаго имъ отечества. (См. его біографію, а также нѣкоторые его труды, напечатанные въ „Русской Старинѣ", т. III, 1871 г., стр. 16—38; 326 — 366 и 700 — 723; т. IV, 68 — 79; 1872 г., т. V, 82—83; 661—669; изд. 1873 г., т. VII, 566—568; 228—235).

Карамзинъ, Николай Михайловичъ (род. 1-го декабря 1765 г., скончался 22-го мая 1826 г.), стихотворецъ, журналистъ и исторіографъ. Въ нѣкоторыхъ спискахъ сатиры Воейкова имя Карамзина смѣшано съ Каразинымъ и даже Катенинымъ.

Карлгофъ, Владиміръ Ивановичъ (скончался въ сороковыхъ годахъ). Любитель литературы, знакомецъ почти всѣхъ журналистовъ, авторъ нѣсколькихъ стихотвореній элегическаго содержанія и повѣстей. Романсъ Карлгофа: „Вотъ идутъ полки родные" распѣвали во всѣхъ петербургскихъ гостиныхъ во время турецкой кампаніи 1829 г. Напускной байронизмъ былъ отличительною чертою и произведеній, и характера Карлгофа. Въ литературномъ кружкѣ ему дано было прозвище: „Кадета".

Каченовскій, Михаилъ Трофимовичъ (1775 — 1842), профессоръ московскаго университета редакторъ, и издатель „Вѣстника Европы", отчаянный славянофилъ.

Козловъ, Иванъ Ивановичъ (род. 1784 г., скончался 1840 г.). Авторъ

поэмъ: „Чернецъ“, „Безумная“, „Княгиня Наталья Борисовна Долгорукова“. Переводчикъ многихъ стихотвореній Байрона, Мицкевича, Ламартина, Шенье и др. Помимо несомнѣннаго таланта, кроткаго и добродушнаго нрава, Козловъ пользовался глубокимъ сочувствіемъ первоклассныхъ литераторовъ (Жуковскаго, Пушкина и др.) и покровительствомъ аристократіи. Онъ былъ слѣпъ и разслабленъ.

Кокошкинъ, Ѳедоръ Ѳедоровичъ (род. 1773, сконч. 1846 г.), переводчикъ „Мизантропа“ и авторъ многихъ комедій; пользовался репутаціею знатока театра. Отличная характеристика его въ „Воспоминаніяхъ П. А. Каратыгина“ („Русск. Стар.“, изд. 1873 г, стр. 153—155).

Красовскій, Александръ Ивановичъ († 1857 г.), тайный совѣтникъ; сначала цензоръ, потомъ предсѣдатель комитета цензуры иностранной. Его біографія и Записки напечатаны въ „Русской Старинѣ“ (см. т. IX, 1874 г., стр. 126—140).

Кутузовъ, см. **Голенищевъ-Кутузовъ.**

Ливенъ, князь Карлъ Андреевичъ, министръ народнаго просвѣщенія при Александрѣ I.

Магницкій, Михаилъ Леонтьевичъ (род. 23-го апрѣля 1778 г., скончался въ Одессѣ 21-го ноября 1844 г.). Окончивъ курсъ въ московскомъ университетскомъ благородномъ пансіонѣ, служилъ въ военной службѣ и, достигнувъ капитанскаго чина, перешелъ въ гражданскую (1797 г.). Два года состоялъ при вѣнскомъ посольствѣ, потомъ былъ причисленъ къ парижской миссіи. Въ 1803 г. былъ опредѣленъ начальникомъ экспедиціи въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Черезъ семь лѣтъ, онъ былъ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ и статсъ-секретаремъ. Въ 1812 г., его, вмѣстѣ со Сперанскимъ, постигла опала, тяготѣвшая надъ нимъ до 1816 г. Затѣмъ онъ былъ, послѣдовательно, вице-губернаторомъ въ Воронежѣ, губернаторомъ въ Симбирскѣ, попечителемъ казанскаго учебнаго округа и сохранялъ это званіе до 5-го мая 1826 г. Шесть лѣтъ жилъ въ Одессѣ, потомъ былъ принужденъ (за доносъ на князя М. С. Воронцова) временно переселиться въ Ревель... Умеръ въ Одессѣ, оставивъ по себѣ ту же самую память, какая неразлучна съ именемъ Аракчеева. По своей части, по крайней мѣрѣ, Магницкій былъ тѣмъ же, чѣмъ былъ Аракчеевъ въ государственной администраціи. Одновременно рабъ и деспотъ, одержимый мракобѣсіемъ, зараженный эпидеміею ханжества, которая въ эпоху служебной его дѣятельности свирѣпствовала въ высшихъ слояхъ русскаго общества, Магницкій прославился тайными извѣтами и явными доносами на всѣхъ и на каждаго, чьи мнѣнія не сходились съ его инквизиторскими воззрѣніями на религію, и на власть на просвѣщеніе. Задушевный его другъ.

Александръ Скарлатовичъ Стурдза, посвятилъ его памяти панегирикъ (см. „Р. А.“ 1868 г., стр. 926—938), въ которомъ выставляетъ его праведникомъ. Кромѣ А. С. Стурдзы, Магницкій пользовался расположеніемъ архимандрита Фотія и т. п.

Мерзляковъ, Алексѣй Ѳедоровичъ (род. 1778, † 26-го іюля 1830 г.). Сынъ небогатаго Далматовскаго купца, былъ профессоромъ московскаго университета; замѣчательный поэтъ, ораторъ и критикъ. Его стихотворенія, въ свое время, пользовались большою извѣстностью. а переведенный имъ съ французскаго романсъ о Велисаріи („Малютка, шлемъ нося, просилъ“), переложенный на музыку слѣпымъ отъ рожденія Жилинымъ. прославился по всей Россіи, наравнѣ съ его оригинальною пѣснею: „Среди долины ровныя“. Собраніе стихотвореній Мерзлякова было, въ 1867 году, издано Обществомъ Любителей Русской Словесности.

Невзоровъ, Максимъ Ивановичъ (род. 1763 г., скончался въ октябрѣ 1827 г.). Окончивъ курсъ въ рязанской семинаріи, поступилъ въ московскій университетъ (1779 г.), пользовался покровительствомъ Н. И. Новикова и И. В. Лопухина; на счетъ „мартинистовъ“ вмѣстѣ со студентомъ Колокольниковымъ докончилъ образованіе за границею. Замѣшанный въ процессъ мартинистовъ, Невзоровъ подвергся преслѣдованіямъ. Впослѣдствіи оправданный, онъ прилежно занялся литературою; писалъ плохіе вирши и издавалъ журналъ: „Другъ Юношества“. (См. письма его и Колокольникова въ „Русской Старинѣ“ изд. 1874 г , т. IX).

Перовскій, Алексѣй Алексѣевичъ (род. 1789 г., скончался 9-го іюля 1836 г.), былъ попечителемъ дерптскаго университета и харьковскаго учебнаго округа (1825 г.); писалъ подъ псевдонимомъ Антонія Погорѣльскаго Авторъ: „Монастырки“, „Черной Курицы“, и „Украинскихъ вечеровъ“. Къ нему относится строфа, начинающаяся стихами:

Вотъ, на яицахъ насѣдкой
Сидя, клохчетъ сумасбродъ, и т. д.

Подъ „куклою“ Воейковъ подразумѣвалъ повѣсть его, гдѣ играетъ роль кукла; „насѣдка“, „черный котъ“, „обезьяна“—намеки на прочія произведенія Перовскаго, писателя несомнѣнно талантливаго.

Перовскій, графъ Василій Алексѣевичъ, былъ впослѣдствіи Оренбургскимъ генералъ-губернаторомъ. Къ нему относятся только два стиха „о Варнѣ“, слѣдующіе же два „объ удѣлахъ“—къ Льву Алексѣевичу, наконецъ послѣдніе „о франтѣ Московскомъ“—къ Алексѣю Алексѣевичу, о которомъ выше былъ еще куплетъ. Все это лишь вторая эпиграмма на Алексѣя, при чемъ похвалены два другіе брата мимоходомъ; оба они были покровителями Воейкова.

Перовскій, графъ Левъ Алексѣевичъ, (родился въ 1794 году, скончался 10-го ноября 1856 года въ чинѣ генерала отъ инфантеріи, въ званіи министра удѣловъ и управляющаго кабинетомъ его величества). Окончивъ курсъ въ московскомъ университетѣ, Перовскій, съ 1811 по 1823 годъ, находился въ военной службѣ, участвуя во всѣхъ кампаніяхъ, прославившихъ русское оружіе въ 1812—1815 годахъ. Затѣмъ, посвятивъ себя службѣ гражданской по удѣльному вѣдомству, былъ попеременно вице-президентомъ (1829 г.) департамента удѣловъ, товарищемъ министра, членомъ государственнаго совѣта (1840 г.), министромъ внутреннихъ дѣлъ (1841 г.), а потомъ министромъ удѣловъ. Дѣятельность его, какъ министра была, ознаменована, помимо искорененія нѣкоторыхъ злоупотребленій, многими благодѣяніями бѣднѣйшему люду столицы и возможными улучшеніями его быта.

Полевой, Николай Алексѣевичъ (род. 1796 г., скон. 22-го февраля 1846 г.). Даровитый и разнообразный писатель, занимавшій почетное мѣсто въ нашей литературѣ. Первый изъ русскихъ журналистовъ успѣшно отстаивалъ школу романтиковъ отъ нападокъ классиковъ; былъ издателемъ „Московскаго Телеграфа“ (1825—1834); историкъ, романистъ, драматургъ, критикъ. (См., между прочимъ, о немъ въ „Русской Старинѣ“, т. IV, 1871 г., стр. 498; 674—681).

Поповъ, Василій Михайловичъ, тайный совѣтникъ, бывшій директоръ департамента народнаго просвѣщенія; въ маѣ 1838 года былъ сосланъ въ Казань за участіе въ сектѣ Татариновой.

Руничъ, Дмитрій Павловичъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ, бывшій попечитель петербургскаго университета. Клевретъ Магницкаго. Обширное собраніе его бумагъ и переписка съ нимъ разныхъ лицъ находятся въ распоряженіи ред. „Русской Старины“.

Свиньинъ, Павелъ Петровичъ (1787—1839 г.). Основалъ и редактировалъ „Отечественныя Записки“ (1818—1830 г.).

Сенковскій, Осипъ Ивановичъ (1800—1858 г.), извѣстный въ нашей литературѣ подъ псевдонимомъ „барона Брамбеуса“. Сей и оный (его прозвище въ сатирѣ)—намекъ на полемику, возникшую въ журналахъ по поводу употребленія этихъ мѣстоимѣній. Этотъ вопросъ былъ поднятъ Сенковскимъ. Подобно Булгарину, полякъ по происхожденію, Сенковскій завоевалъ себѣ видное мѣсто въ русской литературѣ, особенно въ бытность свою редакторомъ „Библіотеки для Чтенія“ и „Энциклопедическаго Лексикона“—Плюшара. Оріенталистъ, археологъ, энциклопедически образованный, остроумный, Сенковскій въ критикахъ своихъ отличался беззастѣнчивостью съ публикой, а въ

статьяхъ ученыхъ—искусствомъ мистифировать малограмотныхъ людей, превращая каѳедру науки въ балаганный балконъ.

Сладковскій. Авторъ поэмы „Петръ Великій“. Стихи, приведенные Воейковымъ, взяты изъ подлинника.

Смирдинъ, Александръ Филипповичъ († 1857 г.), издатель „Библіотеки для Чтенія“ и множества книгъ, особенно по отдѣлу изящной словесности. Въ тридцатыхъ годахъ его книжный магазинъ былъ, можно сказать, литературной биржей и мѣстомъ сходбища нашихъ литературныхъ знаменитостей. Разоренный неудачными спекуляціями, на которыя его подбивали „добрые пріятели“, Смирдинъ умеръ почти въ нищетѣ. Каталогъ его библіотеки донынѣ служитъ руководствомъ для нашихъ библіографовъ.

Соколовъ, Петръ Ивановичъ. Секретарь Россійской Академіи. „Осударь“—была его поговорка. Задѣтый за живое сатирою, онъ отвѣчалъ Воейкову формальнымъ на него доносомъ, подобно Магницкому и Руничу.

Станевичъ—личность мало извѣстная при жизни и еще того менѣе послѣ смерти. Признанная бездарность.

Строевъ, Владиміръ Михайловичъ, родной братъ нашего извѣстнаго археолога и археографа. Родился въ 1811 г., скончался въ Петербургѣ 6-го іюля 1862 г. Литературный труженикъ и одинъ изъ лучшихъ переводчиковъ съ французскаго (романы Евгенія Сю и Ал. Дюма). Въ тридцатыхъ годахъ былъ театральнымъ рецензентомъ въ „Сѣверной Пчелѣ“. Хорошо образованный и умный, Строевъ никогда, однако, не умѣлъ себя поставить передъ редакторами періодическихъ изданій на такую ногу, чтобы внушить имъ къ себѣ уваженіе; бѣдность подавляла въ немъ самолюбіе, крайность доводила до униженія.

Темира, см. **Вейдемейеръ.**

Хвостовъ, графъ Дмитрій Ивановичъ (1757—1835 г.), въ одинаковой степени страстный и бездарный любитель словесности, испытывалъ свои силы во всѣхъ родахъ и ни въ одномъ не имѣлъ успѣха. Страсть къ стихотворству была настоящей маніей Хвостова, но безжалостны были зоилы бѣднаго стихоплета. Надъ нимъ глумились и издѣвались всѣ: отъ Пушкина до послѣдняго мальчишки въ книжной лавкѣ. Единственными читателями графа были его паразиты и льстецы (онъ былъ сенаторъ и имѣлъ значительныя связи), этимъ путемъ выманивавшіе у самолюбиваго графа покровительство и деньги Хвостовъ убилъ бо̀льшую часть своего состоянія на печатаніе своихъ сочиненій (нѣсколько десятковъ томовъ); самъ же ихъ покупалъ „инкогнито“ или чрезъ своихъ слугъ, дарилъ ихъ знакомымъ, жертво-

валъ въ казенныя библіотеки. Помимо печальной знаменитости бездаланнаго труженика, графъ Хвостовъ оставилъ по себѣ память человѣка незлобиваго, младенчески довѣрчиваго. Въ распоряженіи редакціи „Русской Старины" находится обширный архивъ графа Хвостова, заключающій, кромѣ нѣкоторыхъ историческихъ документовъ, письма многихъ литературныхъ и общественныхъ дѣятелей.

Хвостова, графиня. Супруга графа Димитрія Ивановича, рожденная княжна Горчакова.

Шаликовъ, князь Петръ Ивановичъ (1768 — 1852 г.), издатель „Дамскаго Журнала", сантиментальный поэтъ, единственный соперникъ, но и почитатель графа Хвостова.

Ширинскій-Шихматовъ, князь Сергѣй Александровичъ, одинъ изъ составителей цензурнаго устава 1826 года, отмѣненнаго уставомъ 1828 года. Онъ служилъ при Шишковѣ во время бытности его министромъ народнаго просвѣщенія (1824 года).

Шишковъ, Александръ Семеновичъ (1753—1841 г.). Министръ народнаго просвѣщенія (1824 г.). Извѣстный писатель, составитель многихъ манифестовъ императора Александра II; приверженецъ допетровской старины и страстный славяно-и-руссофилъ.

Шишкова, его супруга, рожденная Лабаржевская.

Ред.

II.

Напечатавъ полнѣйшій, со всевозможными варіянтами, списокъ сатиры «Домъ Сумасшедшихъ», мы считаемъ необходимымъ, именно вслѣдъ за нимъ, помѣстить того же Воейкова: «Парнасскій Адресъ-Календарь» [1]). Это сатирическое произведеніе (въ прозѣ) написано имъ позже первой редакціи «Дома Сумасшедшихъ» (1814 г.), а именно не ранѣе 1818 года; видно же это изъ того, что Кюхельбекеръ, о которомъ говорится въ «Парнасскомъ Адресъ-Календарѣ», сталъ пріобрѣтать нѣкоторую извѣстность въ литературѣ только въ 1818 и 1819 годахъ.

Парнасскій Адресъ-Календарь.

1818 — 1820.

(Парнасскій Адресъ-Календарь, или Роспись чиновныхъ особъ, служащихъ при дворѣ Феба и въ нижнихъ земскихъ судахъ Геликона, съ краткими замѣчаніями объ ихъ жизни и заслугахъ. Собрано изъ достовѣрныхъ источниковъ, для употребленія въ благошляхетномъ Арзамасскомъ обществѣ).

1. И. И. Дмитріевъ, дѣйствительный поэтъ 1-го класса. По прошенію уволенъ отъ поэзіи въ царство дружбы и славы, съ ношеніемъ лавроваго вѣнка.

2. Ю. А. Нелединскій-Мелецкій, дѣйствительный поэтъ, чрезвычайный и полномочный посолъ царя Парнасскаго при дворѣ царицы Паѳосской, имѣетъ на головѣ миртовой вѣнокъ и лавровый листъ въ петличкѣ, съ надписью: «за переводъ Заиры».

3. Кн. Д. П. Горчаковъ, дѣйствительный поэтъ, экзекуторъ при наказаніи сатирическимъ бичемъ разврата, ябеды и грабительства, имѣетъ въ петличкѣ лавровый листъ, съ надписью: «за сатиры».

4. К. Н. Батюшковъ, дѣйствительный поэтъ, стольникъ Музъ, оберъ-камергеръ Грацій.

5. Д. В. Дашковъ, министръ юстиціи, комитета для пересмотра вновь выходящихъ книгъ, уголовной литературной палаты и комитета о наблюденіи православія въ слогѣ, первоприсутствующій.

6. Кн. П. А. Вяземскій, министръ полиціи, главноуправляющій смирительными заведеніями для завистниковъ, вралей и бездѣльниковъ.

7. Д. Н. Блудовъ, государственный секретарь бога Вкуса при отдѣленіи хорошихъ сочиненій отъ безсмысленныхъ и клейменіи сихъ послѣднихъ печатью отверженія; находится на теплыхъ водахъ, для излеченія отъ простудной лихорадки, которую получилъ онъ на Липецкихъ Водахъ.

8. Д. В. Давыдовъ, дѣйствительный поэтъ, генералъ-адъютантъ Аполлона при перепискѣ Вакха съ Венерою.

---

[1]) Онъ былъ уже напечатанъ въ «Р. А.» 1866 г., стр. 760, при чемъ ошибочно отнесенъ къ 1816 году. Въ виду небольшаго объема этого «Календаря» и тѣсной связи его съ предъидущей сатирою, которую онъ какъ бы дополняетъ, выводя уже не однихъ только сумасшедшихъ, — мы его вновь печатаемъ.

Ред.

9. Д. П. Барановъ, акредитованный переводчикъ 1-го класса. Находится при выдачѣ за золото иностранныхъ писателей равной суммы русскою ходячею монетою.

10. М. Т. Каченовскій, великій государственный архиваріусъ, хранитель древней пыли, оберъ-баньщикъ торговыхъ Гиппокренскихъ банъ, безсмѣнный членъ баннаго строенія, церемоніймейстеръ передбанниковъ, ордена бани кавалеръ; имѣетъ черезъ плечо вѣникъ на лыкѣ [1]).

11. Вильгельмъ Кюхельбекеръ, хирургъ изъ Нѣмчинъ, заготовляетъ изъ стихотвореній своихъ для Феба промывательное.

12. Николай Иванчинъ-Писаревъ, по горной части, при переплавкѣ свинцовыхъ Мерзлякова стиховъ въ свои.

13. А. Θ. Мерзляковъ, придворный карапузикъ, великій раздаватель галиматьи.

14. Θ. Θ. Кокошкинъ служитъ знакомъ удивленія при великомъ раздавателѣ галиматьи.

15. В. В. Измайловъ, дѣйствительный явный галломанъ, чувствительный писатель 1-го класса, помѣщенъ на вакансію Ж. Ж Руссо, при рескриптѣ, въ которомъ сказано: «на безрыбьи и ракъ рыба!» Пользуется привиллегіею выпускать въ Благовѣщенье изъ клѣтокъ чижиковъ и завѣдываетъ департаментомъ истерикъ.

16. С. Н. Глинка снабжаетъ отхожій кабинетъ патріотической Русской Музы мягкою бумагою.

17. Максимъ Невзоровъ, за сумасшествіемъ, употребленъ при московскомъ университетѣ.

18. Евстафій Станевичъ, академикъ и бесѣдистъ. За ревностные труды, по части злословія, совѣтъ Музъ добавилъ къ его фамиліи недостававшую литеру *а* и повелѣлъ ему впредь и слыть, и быть Сатаневичемъ.

19. А. Н. Грузинцовъ, 12-го класса. За малолѣтствомъ отпущенъ въ домъ родителей доучиться читать и писать.

20. Кн. Шаховскій, придворный дистилаторъ; составляетъ самый лучшій опіумъ для придворнаго и общественнаго театра. Имѣетъ привиллегію писать безъ вкуса и толку.

21. Кн. П. И. Шаликовъ, присяжный оберъ-волокита, князь вралей; находится при составленіи изъ канареишныхъ яицъ для Феба яишницы и при собраніи для него же жемчужной росы и любовныхъ вздоховъ.

22. Н. Грамматинъ, ветошникъ русскихъ писателей; перекраиваетъ новыя пьесы изъ старыхъ лоскутьевъ и перекрашиваетъ въ свои чужія поношенныя стихотворенія.

23. Городчаниновъ, сорокъ лѣтъ находится при составленіи экспромта на взятіе графомъ Минихомъ города Гданска.

24. Таушевъ, винный приставъ.

25. Кн. Козловскій, при дополненіи календаря объяденія.

26. Ив. Муравьевъ-Апостолъ, великій усыпитель двора его парнасскаго величества; обязанъ просиживать ночи безъ сна для усыпленія читателей.

---

[1]) Каченовскій напечаталъ въ «Вѣстникѣ Европѣ» 1810 г. (ч 49, № 1, стр. 60 и ч. 54, № 23, стр. 218): «Изслѣдованіе баннаго строенія, о которомъ повѣствуетъ лѣтописецъ Несторъ». Ред.

27. Иванъ Евсѣевичъ Срезневскій, употребленъ по части народнаго просвѣщенія; сочиняетъ историческое похвальное слово покойному Ерофеичу и исчисляетъ, сколько азовъ употребилъ въ сочиненіяхъ своихъ Аристотель.

28. П. Ю. Львовъ, для увеселенія важныхъ музъ, пускаетъ огромные мыльные пузыри и прогуливается на ходуляхъ по болоту; въ грѣхѣ зачинаетъ и родитъ въ беззаконіи.

29. А. М. Пушкинъ, служитъ при нагрузкѣ Расиновыхъ и Мольеровыхъ сочиненій балластомъ.

30. В. Л. Пушкинъ, при водяной коммуникаціи, имѣетъ въ петлицѣ листочекъ лавра, съ надписью: «за Буянова».

31. П. И. Голенищевъ-Кутузовъ, бесѣдистъ, почетный членъ общества завистливыхъ, обучаетъ змѣй пресмыкаться по книгѣ, которая есть плодъ его долговременныхъ опытовъ.

32. Карабановъ, именитый стихотворецъ, долженствующій всегда имѣть въ запасѣ нѣсколько пьесъ на рожденіе, крещеніе, бракосочетаніе и кончину знатныхъ особъ обоего пола.

33. Кн. С. Шихматовъ, бесѣдистъ; членъ противной стороны здравому разсудку, пишетъ невѣдомо что, невѣдомо для кого; сочинитель пѣсенъ, которыхъ никто не поетъ, и книгъ, которыхъ никто не читаетъ.

34. Жихаревъ, эксъ-бесѣдистъ, нынѣ членъ Арзамасскаго общества, снова вступилъ въ управленіе умомъ и вкусомъ.

35. Статскій совѣтникъ Яценко, тайный издатель, по секрету славный писатель, выпускаетъ изъ себя Духъ Журналовъ.

36. Д. И. Языковъ. Ъ [1]) его величества.

37. Гр. Д. И. Хвостовъ, оберъ-дубина Феба въ рангѣ провинціальнаго секретаря; обучаетъ ипокренскихъ лягушекъ квакать и барахтаться въ грязи.

38. А. С. Шишковъ, патріархъ старообрядцевъ, главный директоръ раскольничьяго книгохранилища; на шеѣ носитъ шишъ на пестрой тесьмѣ, а въ петлицѣ—раскольничью бороду на голубой лентѣ; перелагаетъ въ стихи Стоглавъ и Кормчую книгу.

39. Макаровъ, 14-го класса, издатель Журнала для милыхъ; управляетъ департаментомъ шлифованія на московскихъ улицахъ камней.

40. Катенинъ, царскій постельничій; обязанъ каждый вечеръ подходить къ постели Феба и говорить ему изъ своего Расинова перевода: «ты дремлешь, владыко! владыко, ты дремлешь!» по утру же привѣтствовать царя Музъ сими словами: «сице, сице, вѣсы въ твоей десницѣ!»

41. А. Ѳ. Воейковъ, избранъ совѣтомъ нѣмецкаго университета въ профессоры россійской элоквенціи, перевощикъ дидактическихъ поэмъ; по именному указу Аполлона, послѣдовавшему по прочтеніи Русскихъ Садовъ его, выворачиваетъ на изнанку Виргиліевы Георгики. Избранъ въ члены Бесѣды и Академіи.

42. Висковатовъ, при театральной дирекціи; членъ коммиссіи для сочиненія проекта смѣшить Музъ трагедіями.

43. И. А. Крыловъ, дѣйствительный поэтъ 1-го класса. Придворный проповѣдникъ, имѣетъ лавровый вѣнокъ и входитъ къ его парнасскому величеству безъ доклада.

[1]) Онъ писалъ и печаталъ, не употребляя буквы ъ.

44. Михайло Милоновъ, дѣйствительный поэтъ.

45. И. Иванчинъ-Писаревъ	Юнкеры при разныхъ министерствахъ.
46. Сокольскій	
47. Глѣбовъ	
48. Араповъ	
49. Аполонскій	
50. Росляковъ	

III

Булгаринъ, Гречъ и Полевой.

1828.

1.

О мирѣ, заключенномъ между издателемъ „Московскаго Телеграфа" и издателями: „Сѣверной Пчелы", „Сына Отечества", „Сѣвернаго Архива", „Дѣтскаго Собесѣдника" и прочая, и прочая.

Сновидѣніе.

Въ V-й книжкѣ 1828 года, на стр. 94 и слѣдующихъ «Московскаго Вѣстника», напечатано объ этомъ весьма любопытное извѣстіе. Мы выписываемъ его отъ слова до слова.

«Къ числу замѣчательныхъ явленій въ «Телеграфѣ» прошедшаго года принадлежитъ торжественное его примиреніе съ «Сѣверною Пчелою», «Сыномъ Отечества» и «Сѣвернымъ Архивомъ», послѣ двухлѣтней, безпрерывной, неутомимой войны, славной въ лѣтописяхъ русской журнальной полемики, но пятнающей исторію русскаго журнализма, какъ часть исторіи нашей словесности. Въ началѣ 1827 года сія война была еще во всей силѣ: еще горѣли раны, нанесенныя «Телеграфу» знаменитыми Сирами Барскими и Грипусье, и памятны были «Сыну Отечества», «Сѣверной Пчелѣ» и «Сѣверному Архиву» обиды задорнаго Матюши. Еще въ началѣ прошлаго года (1827), отрицали всѣ права гг. Греча и Булгарина на званіе достойныхъ писателей, а въ журналахъ сѣверныхъ равномѣрно отвергали всѣ достоинства издателя «Телеграфа». Наконецъ, преисполнилась мѣра терпѣнія и сподвизавшихся на полѣ ратномъ, и зрителей: послѣдовало молчаніе; вскорѣ, послѣ прелиминарныхъ похвалъ, утвержденъ мирный договоръ, и «Грамматика» г. Греча была точкою соединенія. Признаны права взаимно обѣими сторонами: не знаемъ навѣрно всѣхъ статей сего договора; но, вѣроятно, одною изъ нихъ было взаимное условіе — хвалить другъ друга. Вслѣдствіе сего, утихли бранные крики «Сѣверной Пчелы» и начинаются по немногу (для соблюденія приличій) похвалы «Телеграфу». Вслѣдствіе сего, г. Гречъ признанъ въ «Телеграфѣ» отличнымъ прозаикомъ, а г. Булгаринъ — литераторомъ, подающимъ о себѣ большія надежды, и сочиненія его разобраны весьма умѣренно и пройдены молчаніемъ всѣ ихъ недостатки. Миръ совершенъ! Да отдохнутъ читатели! Кто изъ истинныхъ любителей просвѣщенія не пожелаетъ, однако, чтобы впредь не возобновлялись подобныя распри, недостойныя литераторовъ, — распри, въ которыхъ люди невоздержные, подстрекаемые мелкимъ самолюбіемъ, жалко

издѣваясь другъ надъ другомъ, обличая другъ друга въ невѣжествѣ, осмѣливаясь посягать даже на личность неприкосновенную, смѣшатъ полуобразованныхъ охотниковъ до пѣтушьихъ боевъ въ литературѣ и отвращаютъ отъ себя просвѣщенныхъ любителей истины»........

Издатель «Славянина», прочитавъ сей отрывокъ М. В., заснулъ: ибо тогда било уже 12 часовъ ночи — и исполненный описаніемъ журнальнаго мира, видѣлъ сонъ, который, ради шутки, здѣсь печатаетъ.

Ему снилось, что сей миръ заключенъ не чрезъ уполномоченныхъ, но на конгрессѣ, на которомъ воюющіе журналисты самолично присутствовали. Для засѣданій нарочно отдѣланъ былъ залъ во 100 аршинъ вышины отъ пола до купола [1]). Люстра, въ немъ повѣшенная, содержала 336 трубочекъ, изъ коихъ каждая давала по три свѣта, что все вмѣстѣ составляло 1,008 свѣтовъ [2]). Другой залъ, примыкавшій къ первому, который малымъ чѣмъ уступалъ въ вышинѣ Хеопсовой высочайшей пирамидѣ [3]), былъ не менѣе чуденъ: онъ имѣлъ только 10 аршинъ въ вышину отъ пола до карниза, хотя въ немъ устроена была галлерея, куполъ и окна въ два яруса [4]).

Ему грезилось, будто бы, по благополучномъ подписаніи прелиминарныхъ пунктовъ, данъ былъ великолѣпный обѣдъ, за коимъ подавались: римской огурецъ [5]); жареный ракъ [6]); оригинальный желѣзный горшокъ съ

---

[1]) «Отечественныя Записки» П. П. Свиньина 1821, ч. V, стр. 378—386, въ статьѣ: «Санктпетербургскія современныя лѣтописи». «Литературные Листки» Ѳ. В. Булгарина, 1823, стр. 25. **А. Воейковъ.**

[2]) Тамъ же и на тѣхъ же страницахъ. **А. В.**

[3]) Египетская сія пирамида, по измѣренію Ѳ. В. Булгарина, имѣетъ 205 аршинъ высоты. **А. В.**

[4]) «Отечественныя Записки» П. П. Свиньина 1821, книжка XLI, «Лит. Листки» г. Булгарина 1823, стр. 51. **А. В.**

[5]) «Литературные Листки» Ѳ. В. Булгарина 1823, стр. 25,

«Васъ удивляетъ, что наша зала во-второмъ этажѣ имѣетъ 100 аршинъ, т. е. 33⅓ сажени (по увѣренію П. П. Свиньина, «Отеч. Зап.» 1821, ч. V, стр. 378—386), въ вышину, когда вышина всего дома отъ основанія до кровли едва-ли имѣетъ 15 саженъ. Вспомните, что И. А. Крыловъ сказалъ въ своей Баснѣ:

«Вотъ въ Римѣ, напримѣръ, я видѣлъ огурецъ;
Ахъ, мой Творецъ!
И по сію не вспомнюсь пору;
Повѣришь-ли? ну, право, онъ былъ съ гору!» **А. В.**

[6]) При «Сѣв. Пчелѣ» 1825, № 132, оттиснутъ гравированный ракъ, подъ которымъ помѣщенъ краткій «Телеграфическій Словарь» (т. е., словъ десятковъ пять, не въ попадъ переведенныхъ съ франц. Николаемъ Алексѣевичемъ Полевымъ, изд. «Моск. Телеграфа»). Статья сія, подъ заглавіемъ: «Созвѣздіе рака», заключается слѣдующею выходкою:

«Вотъ не многіе образцики знаній и искусства того журналиста (Н. А. Полевова), который къ другимъ примѣняетъ эмблему рака. Да будетъ же ракъ девизомъ сего поборника просвѣщенія. Этьеннъ Грипусье. Сиры Барскіе. Гюй эю Буссиколь». **А. В.**

картофелемъ [1]; столъ, вмѣсто скатерти, накрытъ былъ золотымъ сукномъ [2]); гремѣла

Музыка со всѣхъ полковъ;
Всѣ лучшіе тутъ виртуозы были [3]).

Къ столу были приглашены мясникъ-Астрономъ, извощикъ-Метафизикъ, портной-Механикъ, сапожникъ-Архитекторъ. Они показывали свои штуки гостямъ, которые съ изумленіемъ удивлялись доморощенымъ геніямъ. Особенное обратилъ на себя вниманіе живущій въ большой Рыбацкой природный живописецъ, который пишетъ портреты наизусть, по разсказу и изъ памяти. Онъ разсказалъ, что написалъ недавно портретъ одного умершаго купца [4]), по просьбѣ его жены, три мѣсяца спустя по его кончинѣ. Всѣ, невидавшіе его никогда при жизни, удивлялись сходству и восхищались работою [5]). Всѣхъ же болѣе принесъ удовольствія соединеннымъ журналистамъ англійскій путешественникъ Гольманъ, англичанинъ и слѣпой. Онъ [6]) человѣкъ лѣтъ 25-ти, пріятной наружности и путешествуетъ для любопытства: все замѣчаетъ, все осматриваетъ. Гольманъ съ легкостью узналъ бюсты Петра Великаго, Екатерины II, Румянцова, Суворова, Кутузова, Долгорукова, Ломоносова, Державина, а это тѣмъ затруднительнѣе, что иные изъ нихъ мраморные, другіе—бронзовые, третьи—гипсовые [7]).

Ему видѣлось такъ живо, какъ на яву, что когда поданы кубки и шампанское заискрилось въ хрусталѣ, тогда всталъ Ѳаддей Венедиктовичъ и громко провозгласилъ басню, соч. А. Е. Измайловымъ: «Павлушка Мѣдный лобъ» и проч. [8]); послѣ сего другой литераторъ произнесъ изъ «Лит. Листковъ» 1823, стр. 34, слѣдующій отрывокъ [9]):

«Какъ жаль, что я не одаренъ отъ природы микроскопнымъ взоромъ, съ которымъ нѣкоторые писатели столь искусно отыскиваютъ необыкновенное въ обыкновенномъ, великое въ маломъ. Я бы также устремился на поприще открытій и изысканій въ физическомъ и моральномъ мірѣ; отыскалъ бы геніевъ и описывалъ бы чудеса искусства на всякой улицѣ. Но пока найдется къ сему удобный случай, я примусь за другое средство, чтобы льстить самолюбію современниковъ. Отнынѣ, не пропущу ни одного гулянья за городомъ и подъ качелями, стану на распутьѣ, запишу имена всѣхъ властителей экипажей и напечатаю оныя съ громкими похвалами ихъ вкусу и разборчи-

[1]) «Отеч. Записки» П. П. Свиньина 1824, ноябрь и декабрь. «Лит. Листки» г. Булгарина 1824, ч. IV, стр. 165. А. В.

[2]) «Сѣверная Пчела» 1825, № 18. А. В.

[3]) «Лит. Листки» 1823, стр. 37. А. В.

[4]) «Отеч. Записки» П. П. Свиньина 1823, № XXXIII, стр. 14 и 15. А. В.

[5]) «Лит. Листки» 1824, стр. 52. А. В.

[6]) 1823, № 38, стр. 401 «Отечественныхъ Заисокъ» П. П. Свиньина. «Лит. Листки» Ѳ. В. Булгарина 1824, стр. 53. А. В.

[7]) Тамъ же, стр. 54. А. В.

[8]) «Сѣверные Цвѣты» 1824 года, стр. 92. А. В.

[9]) Сей отрывокъ вновь напечатанъ въ 1828 году въ сочиненіяхъ Ѳ. В. Булгарина. Доказательство, что сей писатель о многихъ предметахъ и лицахъ не перемѣнилъ своего образа мыслей. А. В.

вости. Наконецъ, буду описывать петербургскія забавы высшаго общества, балы, маскарады, завтраки, обѣды и ужины, особенно тѣ, на которые меня позовутъ или на коихъ я буду присутствовать, хотя незваный. Стану прославлять художниковъ и ремесленниковъ, которые снабдятъ меня существеннымъ доказательствомъ ихъ искусства и трудолюбія, и пріятелей, которые захотятъ споспѣшествовать продажѣ моего журнала. Такимъ образомъ промышляютъ издатели des petites affiches de Paris (малыхъ парижскихъ афишъ), но только подъ скромнымъ названіемъ. Я, напротивъ того, назову мои афиши современными лѣтописями, придамъ моимъ извѣстіямъ историческую важность, и увѣренъ, что эта спекуляція мнѣ удастся».

Чтецъ умолкъ — и мнѣ во снѣ слышался громкій хохотъ, рукоплесканіе, и какихъ небылицъ не пригрезится! громогласное восклицаніе пирующихъ: «Не въ бровь, а прямо въ глазъ!»

Гости прошли въ садъ, гдѣ

Мужикъ,
Нашъ русскій маркитантъ, коломенскій мясникъ:
Софронъ Егоровичъ Куликъ,
Жена его Матрена,
Да Таня маленькая дочь,
Спускали шаръ воздушный,
Которой былъ въ объемѣ съ полверсты [1]).

Пиршество заключилось питьемъ за здоровье хозяина, который низкимъ поклономъ благодарилъ почтеннѣйшихъ своихъ гостей—московскихь и петербургскихъ и примолвилъ нѣжно улыбаясь:

Господа!
Вить надобно-жъ прикрасить иногда!

Тутъ я проснулся и, не хватая себя за голову, опрометью бросился къ письменному столу и набросалъ на бумагу то, что вы здѣсь читали.

2.

Прелиминарныя статьи мира между издателями „Сына Отечества", „Сѣвернаго Архива", „Сѣверной Пчелы" и „Дѣтскаго Собесѣдника" и издателемъ „Московскаго Телеграфа", съ замѣчаніями посторонняго дипломата.

Мы, Гречъ, Булгаринъ и Полевой, желая прекратить чернилопролитную войну, столь долго опустошавшую наши журналы, и доставить обоестороннимъ нашимъ подписчикамъ выгоды, проистекающія изъ помѣщенія въ журналы, вмѣсто взаимныхъ нашихъ уликъ въ невѣжествѣ, статей пріятныхъ и полезныхъ, заключили миръ до первой побранки на нижеслѣдующихъ условіяхъ:

Статья первая.

Издатель «М. Т.» обязывается за себя и за преемниковъ и союзниковъ своихъ хранить о «Россійскихъ Граматикахъ Г. Греча», изданныхъ и впредь имѣющихъ быть изданными, глубокое молчаніе, а если совѣсть не зазритъ, то и похвалить ихъ.

---

[1]) «Сѣворные Цвѣты» 1824, стр. 92 и 93. **А. В.**

Ст. II. Во взаимство чего, мы, Гречъ и Булгаринъ, отступаемся на вѣчныя времена отъ «Французско-Россійскаго Словаря», соч. Татищевымъ и изданнаго въ С.-Петербургѣ Иваномъ Глазуновымъ, и если нужно будетъ, то, смотря по обстоятельствамъ, обѣщаемся стараться ввести въ употребленіе таковой же «Словарь», изданный въ Москвѣ книгопродавцемъ Ширяевымъ.

Ст. III. Издатель «М. Т.» за себя и за преемниковъ своихъ отрекается отъ правила, которымъ онъ до сего времени руководствовался, которое напечатано въ особомъ Прибавленіи къ «М. Т.» на стр. 2-й и 3-й, и здѣсь включается подлинникомъ: «Чуждый всѣхъ литературныхъ партій, я постоянно излагаю мое мнѣніе о всѣхъ произведеніяхъ нашей литературы, говорю, что знаю, что мнѣ кажется, совѣтуюсь съ тѣми, на кого надежно могу положиться. Если въ ошибкахъ могутъ упрекать меня, то, конечно, никто изъ людей непредубѣжденныхъ не упрекнетъ меня въ пристрастіи» [1].

Ст. IV. Отъ дня ратификаціи сего трактата, «критики должны писаться по вѣрному правилу товарищества и критикующіе — подавать взаимную помощь другъ другу» [2].

Ст. V. Издатели «Сѣв. Пчелы» обязываются всѣми зависящими отъ нихъ средствами увѣрить росс. публику въ томъ, 1) что издатель «М. Т.» имѣетъ глубокія свѣдѣнія агрономическія, астрономическія, юридическія, археологическія, медико-хирургическія, историческія, статистическія, минералогическія, ботаническія, зоологическія, анатомическія, физическія, химическія, тактическія, стратегическія, миѳологическія, географическія, въ искуствѣ артиллерійскомъ, инженерномъ, мореплавательномъ, въ математикѣ чистой и прикладной, въ технологіи и всѣхъ другихъ наукахъ, искусствахъ, художествахъ и ремеслахъ. 2) Что онъ гораздъ по-санкритски, по-арабски, по-вавилонски, мидійски, халдейски, еврейски. 3) И что изъ него издатели Révue Encyclopédique переводятъ ученые критическіе разборы иностранныхъкнигъ.

Примѣчаніе. Г. Булгаринъ принимаетъ на себя ходатайствовать о возведеніи Сировъ Барскихъ въ дворянское достоинство государства Иньйоранціи, гдѣ онъ при дворѣ въ большой силѣ [3].

Ст. VI. Издатель «М. Т.» обѣщается никогда не упоминать о томъ [4], 1) что г. Булгаринъ побѣжденъ Б. М. Ѳедоровымъ; 2) что въ опытахъ профессора В. М. Перевощикова совсѣмъ нѣтъ стиховъ, хотя Ѳ. В. и критиковалъ оные; 3) что издатели «С. О.» несправедливо нападали на «Кальѳона», поэму В. Н. Олина, 4) и особенно стараться истнить (sic) изъ памяти народной нелѣпости, находящіяся въ статейкахъ г. Булгарина объ операхъ и концертахъ. Напр., о грудномъ басѣ, о гармоническомъ инструментѣ, въ которомъ звуки понижаются или возвышаются посредствомъ педалей [5].

Ст. VII. Въ вящшее доказательство своего искренняго желанія упрочить миръ, издатель «М. Т.» обѣщается достать рыбы харіуга [6]) изъ Байкала и омулеваго жира [7]) — и все это выставить въ лавкѣ Ширяева для удосто-

---

[1]) Особенное Прибавленіе къ «М. Т.» 1825, стр. 2. **А. В.**

[2]) Тамъ же. **А. В.**

[3]) Сочиненія Ѳ. В. Булгарина, ч. 9 и 10. **А В.**

[4]) Особое Прибавленіе къ «М. Т.» 1805, стр. 3. **А. В.**

[5]) «Сѣв. Пчела» 1828. **А. В.**

[6]) и [7]) Когда Н. А. Полевой доказалъ, что такой рыбы нѣтъ въ Байкалѣ, а омулеваго жира нѣтъ на свѣтѣ, то г. Булгаринъ отвѣчалъ: «Можетъ

вѣренія тѣхъ, кои думаютъ, что сія рыба и сей жиръ существуютъ только въ одномъ «Сѣв. Архивѣ». 2) Уничтожить имѣющее у него выпуклое изображеніе острова Сахалина [1]), и 3) никогда не упоминать о мѣдномъ грошѣ, который Ѳ. В. Булгаринъ принялъ за Игореву монету [2]).

Ст. VIII. Всѣ въ продолженіе войны, также какъ и по случаю торжества заключенія мира, сдѣланныя издержки должны быть заплачены нашими подписчиками. Само собою ясно, что убытки, понесенные покупщиками Гречевыхъ Грамматикъ, изъ которыхъ никто ничему не выучился, падаютъ на нихъ самихъ, яко штрафъ за легковѣріе и опрометчивость.

Въ Петроградѣ 1827 года.

От Редакціи «Русской Старины». Обѣ статейки А. Ѳ. Воейкова о мирѣ Греча и Булгарина съ Н. А. Полевымъ перепечатаны нами изъ «Славянина». Этотъ «Военно-Литературный журналъ» издавался Воейковымъ въ С.-Петербургѣ съ 1827 по 1830 г. включительно. «Славянинъ» выходилъ сначала еженедѣльно, потомъ ежемѣсячно книжками, 4 части въ годъ, въ 8-ю долю. Помянутыя статейки, напечатанныя въ 1828 г. (въ VI ч., стр. 72 — 78, и въ VII ч., стр. 68 — 72), приводятся нами, какъ образцы тогдашней полемики, и для того, чтобы полнѣе ознакомить съ сатирическимъ дарованіемъ Воейкова. Затѣмъ для будущихъ историковъ литературныхъ усобицъ конца двадцатыхъ и начала тридцатыхъ годовъ отмѣтимъ: «Вѣнокъ, сплетенный Бригадиршею изъ журнальныхъ листовъ для издателя Московскаго Телеграфа», см. въ «Славянинѣ» 1829 г., ч. X, стр. 388—404, и ч. XI, стр. 53—64, а также статейку: «О томъ, что если бы какой писатель за дерзость былъ побитъ и княжескою палкою, то сіе не придало бы ему ни блеска, ни сіянія» («Славянинъ» 1830 г., ч. XVI, стр. 85 — 87). Вѣнокъ состоитъ изъ выписокъ изъ тогдашнихъ журналовъ нападокъ на «Московскій Телеграфъ»; вторая статейка также направлена противъ личности Н. А. Полеваго. См. также «Посланіе Воейкова къ Д. В. Дашкову, напеч. М. Н. Лонгиновымъ въ «Соврем.» 1857 г., № 3, стр. 86. **Ред.**

быть, но мы имѣемъ честь увѣдомить васъ, что мы Байкала не мѣряли, рыбы харіуга не лавливали и омулевымъ жиромъ не «торговали». **А. В.**

[1]) Когда Б. М. Ѳедоровъ уличилъ Ѳ. В. Булгарина въ томъ, что Сахалинъ островъ, а не полуостровъ, то г. Булгаринъ отвѣчалъ: «Можетъ быть, г. Ѳедоровъ былъ на Сахалинѣ, а я тамъ не былъ». **А. В.**

[2]) Похожденіе этого гроша весьма любопытно.

«Нѣкто доставилъ г. Булгарину мѣдную монету, которой онъ очень обрадовался и, какъ большой знатокъ въ нумизматикѣ, принялъ за монету великаго князя Игоря, кричалъ объ ней, печаталъ, называлъ невѣждами всѣхъ, кои хотя немного въ томъ сомнѣвалися, наконецъ, рѣшился выставить ее на показъ въ библіотекѣ чтенія у А. Ф. Смирдина.

«Кто могъ бы отгадать, чѣмъ кончилась тревога? Это была обыкновенная монета московскаго великаго князя, на которой въ словѣ: ГДРЬ у буквы Д отъ употребленія стерлись ножки. Это сдѣлало ее похожею на *А* или на *О*».

А. Воейковъ.

А. Θ. ВОЕЙКОВЪ

1779—1839.

Біографическій очеркъ Н. И. Греча.

Вѣрная своему правилу: съ полнѣйшимъ безпристрастіемъ выслушивать обѣ стороны, хотя бы то были лица враждебныя другъ другу, «Русская Старина» даетъ теперь слово злѣйшему и остроумнѣйшему противнику А. Θ. Воейкова— Н. И. Гречу. Отрывки изъ Записокъ нашего покойнаго литератора и журналиста были напечатаны въ нѣкоторыхъ журналахъ, въ томъ числѣ и въ «Русской Старинѣ», и составляютъ, безспорно, имѣющій значеніе матеріалъ для исторіи отечественной литературы. Читатели «Дома Сумасшедшихъ», конечно, не упустятъ изъ виду, что Воейковъ въ своей сатирѣ безжалостенъ, ядовитъ и далеко не безпристрастенъ. Тоже самое, можетъ быть, они замѣтятъ и въ предлагаемомъ біографическомъ очеркѣ, написанномъ злымъ перомъ покойнаго Н. И. Греча......

Редакція съ своей стороны, по обыкновенію, воздерживаясь отъ всякихъ выводовъ, печатаетъ на страницахъ «Русской Старины» характеристику Воейкова потому, что какъ онъ, такъ и его противникъ—лица, изчезнувшія съ земнаго поприща, а литературная и общественная ихъ дѣятельность, съ характеристиками самихъ дѣятелей—достояніе исторіи. Время имѣетъ свои права: ненарушимыя права давности, покровъ тайны, облекающій въ данную минуту всякое событіе — государственное, общественное, или изъ области литературы, съ годами какъ бы ветшаетъ, разрывается и факты являются во всей, иногда цинической наготѣ истины...... При этомъ укоръ памяти мертвому значительно ослабляется тѣмъ соображеніемъ, что въ порокахъ и недостаткахъ каждаго дѣятеля минувшихъ временъ всегда, болѣе или менѣе, виновенъ духъ того времени, въ которое дѣятель подвизался на своемъ поприщѣ; такъ напр. въ литературномъ кружкѣ двадцатыхъ годовъ отразились, и въ весьма рѣзкой формѣ, недостатки тогдашняго общественнаго строя.

Обращаясь къ очерку Греча, мы должны оговориться, что передаемъ его вполнѣ съ выпускомъ лишь мѣстами рѣзкихъ словъ и бранныхъ выраженій; впрочемъ и за этими пропусками въ статьѣ ихъ остается довольно: Воейковъ и Гречъ, взаимно поражая другъ друга насмѣшками и колкостями, одинаково не стѣснялись въ выраженіяхъ.

Ред.

Сохраняя въ потомствѣ память людей честныхъ, благородныхъ и добродѣтельныхъ, считаю обязанностью моею не оставлять въ неизвѣстности и антиподовъ ихъ, съ которыми случалось мнѣ встрѣчаться въ жизни. Пусть увидятъ люди, подобные имъ, что вредныя ихъ наклонности и низкія дѣла не укрываются отъ дневнаго свѣта, что всегда найдутся люди, которые разоблачатъ ихъ и выставятъ ихъ чувства, помыслы и подвиги на позоръ и урокъ потомству. Если подобные люди, прочитавъ написанныя мною правдивыя (?) и безпристрастныя (!) строки, сдѣлаютъ хотя одною мерзостью меньше, я награжденъ за трудъ мой.

Александръ Ѳедоровичъ Воейковъ происходилъ отъ старинной и почтенной фамиліи: пращуръ его, Воейко Войтяговъ сынъ, владѣтель Терговскій, прибылъ въ 1384 году изъ Пруссіи съ полутораста человѣками къ князю Димитрію Іоанновичу Донскому; принялъ православіе, получилъ въ кормленіе городъ Дмитровъ, и былъ пожалованъ бояриномъ. Многіе его потомки были въ большихъ чинахъ и обладали богатыми помѣстьями. Изъ нихъ особеннаго вниманія достоинъ генералъ-аншефъ Ѳедоръ Матвѣевичъ (род. 1703, † 1778), бывшій въ Семилѣтнюю войну генералъ-губернаторомъ занятой тогда нашими войсками Пруссіи, оставилъ тамъ своимъ правосудіемъ, благоразуміемъ и кротостью неизгладимое донынѣ воспоминаніе.

Не знаемъ, въ которомъ колѣнѣ происходилъ отъ него нашъ герой, родившійся въ 1779 году. У него былъ братъ, Иванъ Ѳедоровичъ. Оба они воспитаны въ московскомъ университетскомъ пансіонѣ и потомъ служили въ гвардіи. Иванъ оставался въ военной службѣ до 1820 года, когда я зазналъ его. Александръ избралъ другую карьеру. Замѣчу здѣсь, что въ прежніе годы москвичи въ Петербургѣ держались тѣсно и усердно помогали другъ другу. Знакомъ по Москвѣ значило—другъ, пріятель, чуть не родной, и чего бы онъ ни дѣлалъ, во всемъ помогали ему добрые родичи; все ему сходило съ рукъ. Александръ Воейковъ вышелъ изъ службы при императорѣ Павлѣ, поселился въ Москвѣ, началъ шалить, играть, пить и спустилъ всѣ свои двѣ тысячи душъ; шатался среди самаго гнуснаго общества, ѣздилъ по разнымъ губерніямъ и какъ-то заѣхалъ въ Бѣлевъ, гдѣ жилъ Жуковскій, знакомый съ нимъ по Москвѣ. Воейковъ имѣлъ природное остроуміе и даръ писать стихи; зналъ, съ грѣхомъ пополамъ, французскій языкъ и болѣе ничего [1]). Въ Бѣлевѣ втерся онъ въ кругъ Жуковскаго, который имѣлъ удивительную слабость къ пустымъ людямъ, терпѣлъ ихъ и по-

[1]) Онъ гораздо ранѣе 1812 года (въ 1805—1810 годахъ) занимался литературой, печаталъ свои произведенія и былъ въ Москвѣ въ кружкѣ Кокошкина, Мерзлякова и др. **Ред.**

могалъ имъ (???). Талантъ Воейкова, какъ и душа его, разведенъ былъ желчью. Онъ писалъ не эпиграммы, а полные пасквили, и если не одолѣвала его лѣнь, онъ напоролъ бы цѣлые томы всякихъ ругательствъ на людей честныхъ и почтенныхъ. Всѣмъ извѣстенъ его „Сумасшедшій Домъ“, въ которомъ съ большою замысловатостью разныя лица размѣщены по кельямъ—не по винѣ и заслугамъ, а болѣе по расположенію къ нимъ автора. Любимою его формою стихотворенія были посланія, раздѣлявшіяся, какъ полосы полицейскихъ будокъ, на бѣлыя и черныя. Онъ въ нихъ или льстилъ знатнымъ, сильнымъ и богатымъ, или осыпалъ бранью людей, которыхъ ненавидѣлъ; а онъ не любилъ никого въ мірѣ, всего менѣе тѣхъ, кто дѣлалъ ему добро.

Въ 1812 году пошелъ онъ-было въ ополченіе, но былъ-ли на дѣйствительной службѣ и какіе совершилъ подвиги — неизвѣстно. Онъ воротился, по окончаніи войны, въ Россію, въ Бѣлевъ, гдѣ готовилось ему неожиданное и незаслуженное счастіе. Тамъ жила одна почтенная дама Екатерина Аѳанасьевна Протасова, рожденная Бунина, мать Александры Андреевны и Марьи Андреевны. Должно знать, что отецъ ея, Андрей Ив. Бунинъ, внѣ брака, прижилъ Василія Андреевича Жуковскаго [1]) Жуковскій жилъ у сестры, какъ сынъ родной, и весьма естественно влюбился въ одну изъ дочерей ея, Марью Андреевну. Я не зналъ ея лично, а слышалъ, что она не была такая красавица, какъ сестра ея, но также женщина умная, милая и кроткая. Жуковскій, на основаніи буквы законовъ, могъ бы вступить въ бракъ съ нею; но Екатерина Аѳанасьевна, боясь грѣха, не соглашалась выдать дочь за дядю, и это препятствіе къ исполненію его единственнаго желанія, къ достиженію счастія и отрады въ жизни внушило ему то глубокое уныніе, то безотрадное на землѣ чувство, которымъ дышатъ всѣ его стихотворенія. Шиллеръ былъ счастливѣе его.

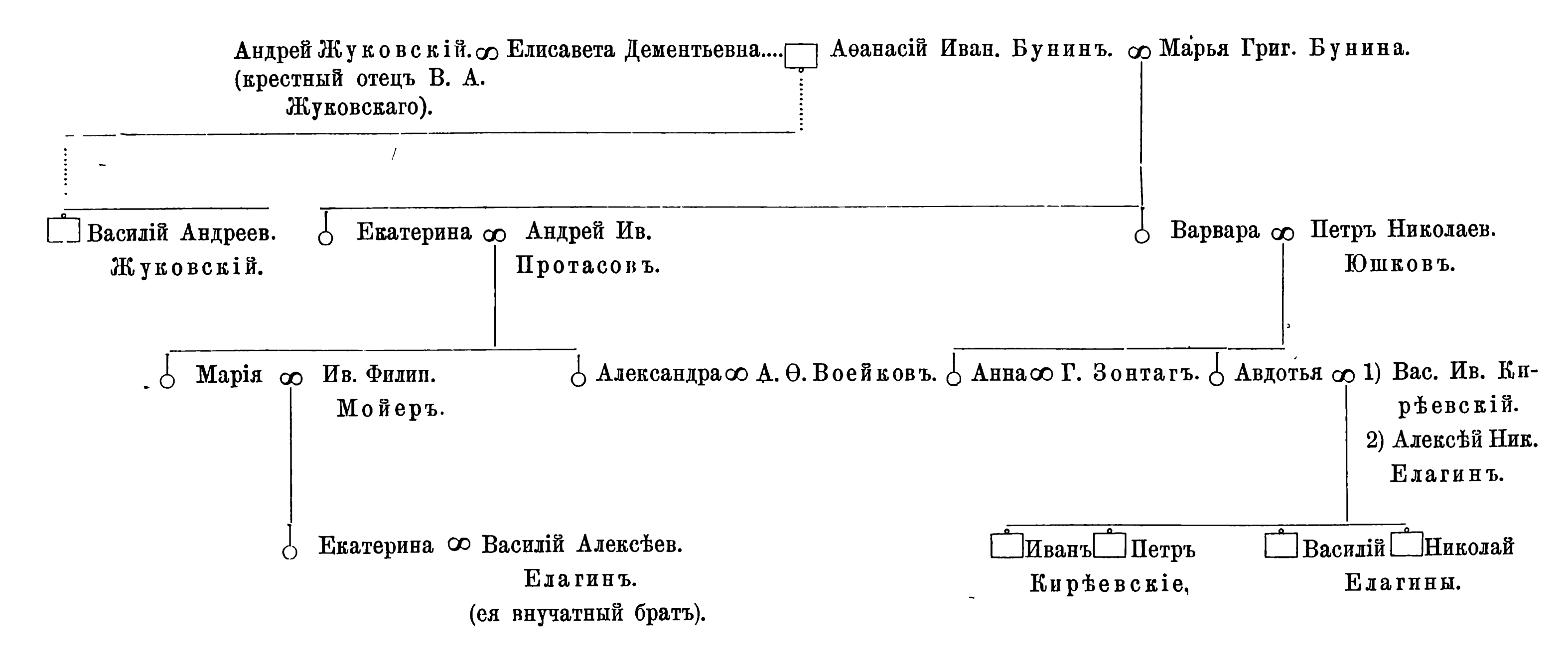
Марья Андреевна вышла впослѣдствіи замужъ за достойнаго человѣка, дерптскаго профессора Мойера, составла его счастіе, но сама жила недолго. Александра Андреевна сдѣлалась предметомъ страсти Воейкова; но смѣлъ-ли онъ, ничтожный человѣкъ, промотавшійся дворянинъ, какъ называлъ его Милоновъ, мечтать о счастіи—получить ея руку! Что же случилось?

Въ апрѣлѣ 1814 года Воейковъ явился въ домѣ Протасовыхъ въ глубокомъ траурѣ съ плерезами и могильнымъ голосомъ объявилъ, что онъ осиротѣлъ въ мірѣ, что братъ его умеръ отъ ранъ, полученныхъ имъ при взятіи Парижа.

---

[1]) См. на слѣдующей страницѣ (46) роспись. Ред.

РОДСТВО В. А. ЖУКОВСКАГО.

Примѣчаніе. У Петра Николаевича Юшкова была еще дочь Екатерина ∞ Васил. Андр. Азбукинымъ.

— „У меня теперь двѣ тысячи душъ, а я—бѣднѣйшій человѣкъ въ мірѣ“.

Непритворная, какъ казалось, горесть его тронула весь женскій міръ, къ которому, по мягкости сердца, принадлежалъ и Жуковскій; но двѣ тысячи душъ произвели также сильный эффектъ. Послышались произносимыя въ такихъ случаяхъ шепотомъ фразы: „дѣвушку пристроить; женится—перемѣнится“, и тому подобныя тривіальныя аксіомы нелѣпаго бабьяго лексикона. Воейковъ посватался и Сашеньку за него отдали. День свадьбы (14-го іюля 1814 года) вырѣзалъ онъ на своей печаткѣ. Едва прошли двѣ недѣли медоваго мѣсяца, какъ явился братъ Иванъ, въ опроверженіе поданнаго Воейковымъ въ тульскую гражданскую палату прошенія: справить и отказать за нимъ двѣ тысячи родовыхъ душъ, по кончинѣ брата, падшаго за вѣру и царя. Иванъ Ѳедоровичъ былъ тяжело раненъ въ правую руку и, имѣя надобность въ деньгахъ, написалъ приказъ своему старостѣ рукою товарища. Староста, не смѣя вѣрить чужой рукѣ, принесъ письмо къ Александру, и тотъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобъ жениться на пятнадцати-лѣтней красавицѣ. Что было дѣлать? Двѣ тысячи душъ исчезли. Осталась одна только душа—Александра Воейкова. Вотъ Жуковскій и написалъ къ Александру Тургеневу: „Спаси и помилуй! найди мѣсто Воейкову, нельзя-ли на вакансію Андрея Кайсарова (убитаго при Рейхенбахѣ)?“ Тургеневъ привелъ въ движеніе свою артиллерію и Воейковъ былъ опредѣленъ ординарнымъ профессоромъ русской словесности въ дерптскомъ университетѣ. Онъ былъ совершенный невѣжда: на лекціяхъ своихъ, на которыя являлся очень рѣдко, не преподавалъ ничего, а только читалъ стихи Жуковскаго и Батюшкова, приправляя свое чтеніе насмѣшками надъ Хвостовымъ, Шишковымъ и пр. Нѣмцамъ, ненавидящимъ трудный русскій языкъ, это было на руку. Такъ продолжалось шесть лѣтъ во все время попечительства Клингера, который тоже не понималъ, не любилъ ни Россіи, ни языка ея. Въ 1820 году поступилъ попечителемъ дерптскаго университета князь Карлъ Андреевичъ Ливенъ. По пріѣздѣ его въ Дерптъ, разумѣется, явились къ нему на общій смотръ всѣ профессоры. Онъ сталъ принимать ихъ одного за другимъ и многимъ изъ нихъ отдавалъ какія-то бумаги, приговаривая: „Вотъ доносъ на васъ“. Когда подошелъ Воейковъ, князь поблѣднѣлъ и закричалъ:

— „Вонъ отсюда! Господа, всѣ эти гнусные доносы написаны этимъ . . . . Убирайся, ...“.

Съ прочими профессорами князь говорилъ по-нѣмецки; это же привѣтствіе произнесъ на чистѣйшемъ русскомъ языкѣ.

Воейковъ опять обратился къ Жуковскому и Тургеневу.

„Подлецы нѣмцы“,—писалъ онъ,—„ненавидящіе всѣхъ русскихъ и особенно патріотовъ и честныхъ людей, обнесли меня у Ливена. Какъ благородный человѣкъ (онъ всегда такъ величалъ себя), я не могъ снести гласнаго оскорбленія и принужденъ выйти. Я писалъ къ нему не доносы, а благонамѣренные совѣты“.

Стали искать мѣсто Воейкову. Жуковскій вспомнилъ, что за четыре года предъ тѣмъ я предлагалъ ему (Жуковскому) сотрудничество въ „Сынѣ Отечества“, обѣщая 6,000 р. въ годъ. Тогда онъ отказался, имѣя въ виду мѣста у великой княгини, а теперь вздумалъ предложить мнѣ Воейкова. Пріѣхалъ ко мнѣ, сталъ выхвалять дарованія своего друга, его прилежаніе и т. п., и убѣждалъ взять его въ сотрудники, увѣряя, что мнѣ будутъ помогать своими трудами онъ, самъ Жуковскій, К. Н. Батюшковъ, князь П. А. Вяземскій, В. Л. Пушкинъ, Н. И. Тургеневъ, Д. Н. Блудовъ и всѣ друзья его. Я не зналъ Воейкова вовсе, но воображалъ, что профессоръ долженъ же быть человѣкъ знающій и грамотный, согласился на предложеніе. Въ тоже время познакомился я и сблизился съ Булгаринымъ, который тогда былъ совсѣмъ не тотъ, что впослѣдствіи. Воейковъ переселился въ Петербургъ и получилъ мѣсто чиновника особыхъ порученій въ департаментѣ духовныхъ дѣлъ, гдѣ Александръ Тургеневъ былъ директоромъ. Въ то время образовалось артилерійское училище (нынѣшняя михайловская академія). Зять мой, Андрей Яковлевичъ Ваксмутъ (командовавшій учебными артилерійскими ротами), пріѣхалъ ко мнѣ отъ директора этого училища, генерала Александра Дмитріевича Засядко, съ предложеніемъ мѣста инспектора классовъ съ жалованьемъ въ пять тысячъ рублей. Я былъ тогда директоромъ училищъ гвардейскаго корпуса, не могъ принять другой должности; поблагодаривъ за вниманіе, предложилъ взять Воейкова. Засядко, полагаясь на мою рекомендацію, опредѣлилъ Воейкова, который тотчасъ же написалъ къ нему льстивое посланіе, и за то, при открытіи училища, былъ представленъ къ ордену. Воейковъ сыгралъ при этомъ случаѣ преловкую штуку: пришелъ къ Засядкѣ и съ умиленнымъ сердцемъ говоритъ:

— „Во всемъ бѣда! Вы, конечно, представите меня къ 2-й степени Анны, а я ужъ представленъ къ ней Тургеневымъ за службу въ его департаментѣ, да еще съ бриллiантами. Вездѣ неудачи!“

Вотъ ему и дали 3-й степени Владиміра. Чрезъ нѣсколько дней послѣ того, пріѣхалъ я къ нему и нашелъ у него большую компанію— мужскую и дамскую. Онъ вздумалъ, по своему, потрунить надо мною, и сказалъ во всеуслышаніе:

— „Вотъ товарищъ и другъ Николай Ивановичъ, а не можетъ

снести, что мнѣ дали 3-го Владиміра. Съ тѣхъ поръ онъ пересталъ носить своего 4-го".

Гости не знали, какъ принять это благосклонное замѣчаніе, но я надоумилъ ихъ, сказавъ:

— „Помилуйте, Александръ Ѳедоровичъ, ну, стану-ли я завидовать кому бы то ни было въ незаслуженномъ крестѣ".

Всѣ расхохотались.

— „Мило, остро!" сказалъ Воейковъ: „я сшилъ себѣ тетрадку и записываю въ ней всѣ острыя слова Греча. Напечатаю и обогащусь".

— Вы меня счастливѣе, возразилъ я: мнѣ съ васъ поживиться нечѣмъ.

Я привелъ этотъ случай для того, чтобъ показать, до какой степени Воейковъ былъ презираемъ и принужденъ сносить всѣ насмѣшки и оскорбленія. Въ собственной своей гостинной онъ не отвѣчалъ, но потомъ отомщалъ сторицею.

Между тѣмъ, Воейковъ сталъ заниматься въ редакціи „Сына Отечества", но ни одно изъ обѣщаній Жуковскаго, ни одно изъ моихъ ожиданій не исполнилось. Воейковъ работалъ тяжело, лѣниво. Статьи его были вялы и не интересны. Онъ занялся критикою, написалъ обозрѣніе прежнихъ и тогдашнихъ журналовъ, пресыщенное лестью и желчью; составилъ разборъ „Руслана и Людмилы", но такъ плохо, такъ неосновательно, что возбудилъ общее неудовольствіе. Для наполненія страницъ, онъ прибавлялъ къ своимъ сужденіямъ длинныя выписки изъ разбираемыхъ стихотвореній, составлялъ ссылки изъ оглавленій и каталоговъ. На него полились со всѣхъ сторонъ антикритики, печатавшіяся, бо̀льшею частью, въ самомъ „Сынѣ Отечества". Онъ отвѣчалъ дерзко и грубо. Сохраню для потомства одинъ споръ его по значительности лица, съ которымъ онъ завязался.

Въ гостинной или передней Карамзина, куда Воейковъ ползалъ на поклоны, дали ему прекрасную эпитафію младенцу, написанную Батюшковымъ въ Неаполѣ; она была напечатана въ № 35-мъ „Сына Отечества" 1820 г.:

О русскій, милый гость изъ отческой земли!
Молю тебя, замѣть сей памятникъ безвѣстный:
Здѣсь матерь и отецъ надежду погребли;
Здѣсь я покоюся, младенецъ ихъ прелестный.
Шепни имъ отъ меня:
Не сѣтуйте, друзья:
Моя завидна скоротечность:
Не знала жизни я, а знаю вѣчность.

Сообщившій это стихотвореніе Воейкову вѣроятно на память, написалъ въ возраженіе, въ № 36-мъ, слѣдующее письмо къ издателю „С. О.":

„Царское Село, 29-го августа 1820 г. Въ послѣднемъ нумерѣ вашего журнала помѣщена Эпитафія младенцу, которая сочинена въ Неаполѣ моимъ пріятелемъ Батюшковымъ, а въ Россію привезена мною. Это послѣднее обстоятельство весьма неважно, но я сообщаю вамъ объ ономъ потому, что въ моемъ мнѣніи оно даетъ мнѣ лишнее право, если не сердиться и досадовать, то, по крайней мѣрѣ, жаловаться, видя, что новое и, несмотря на краткость, прекрасное произведеніе моего друга является въ первый разъ русскимъ читателямъ не въ настоящемъ, и даже,—простите мнѣ за искренность сего выраженія,—въ обезображенномъ видѣ. Грубыя ошибки переписчика или типографщика портятъ всякое сочиненіе, но еще болѣе стихи, въ коихъ иногда все дѣйствіе и все достоинство слога зависятъ отъ нѣкотораго искуснаго расположенія словъ, и слѣдственно разрушаются при малѣйшей перемѣнѣ. Сихъ разрушительныхъ перемѣнъ или ошибокъ въ эпитафіи русскаго младенца, судя по пространству всей надписи, очень много. Позвольте мнѣ ихъ замѣтить для васъ и для читателей вашего журнала.

„Первые четыре стиха напечатаны исправно; съ пятаго начинаются безпрерывныя погрѣшности.

Шепни имъ отъ меня:
Не сѣтуйте, друзья!

„Такая риѳма и такіе стихи едва-ли годны для конфектнаго билета; Батюшковъ не въ состояніи написать подобныхъ; сверхъ того, онъ знаетъ, что нѣтъ нужды шептать того, что можно и хорошо сказать въ слухъ. Въ его надгробіи младенецъ говоритъ просто:

Имъ молви отъ меня: не плачьте, о друзья!
Моя завидна скоротечность:
Не знала жизни я,
А знаю вѣчность.

„Вы видите, милостивый государь мой, что неизвѣстный посредникъ между вами и авторомъ, преобразивъ сначала одинъ, если не хорошій, то обыкновенный стихъ, въ два плоскіе, за то при концѣ, какъ-будто въ вознагражденіе, сдѣлалъ изъ двухъ прекрасныхъ стиховъ одинъ почти дурной:

Не знала жизни я, а знаю вѣчность.

„Надобно-ли замѣчать, что здѣсь нашъ поэтъ, постигнувшій тайны своего искусства, не безъ намѣренія, посредствомъ механизма стиховъ, представилъ отдѣльно двѣ великія, но различныя выгоды скоротеч-

ности умершаго младенца. Первая, что онъ не зналъ жизни, то-есть, бѣдствій и заблужденій; другая еще важнѣйшая, что знаетъ вѣчность, что безъ испытаній и горя снискалъ то благо, которое составляетъ одно—и цѣль и цѣну жизни. Въ самой гармоніи сихъ короткихъ стиховъ, заключающихъ рѣчь изъ гроба, есть что-то нѣжное, пріятно-унылое, равно приличное мыслямъ о спокойствіи смерти и о тихомъ счастіи невинности въ небесахъ. Но вся сія прелесть исчезаетъ отъ неудачной и, вѣроятно, неумышленной поправки въ доставленномъ къ вамъ спискѣ. Разстояніе и время производятъ одинаковое дѣйствіе, и нашъ живой соотечественникъ, потому только, что живетъ въ отдаленности, осужденъ раздѣлять участь древнихъ писателей: его стихи, кои равняются въ достоинствѣ съ лучшими надписями греческой антологіи, уже сдѣлались жертвою безпамятныхъ рапсодовъ или безграмотныхъ переписчиковъ. По счастію, не будучи ни Аристархами, ни Вольфами, мы можемъ исправить сдѣланное ему зло при самомъ началѣ: вы, милостивый государь мой, конечно не откажетесь помочь въ этомъ.

„Примите увѣреніе въ моемъ истинномъ почитаніи“.

На это Воейковъ, въ № 37-мъ „Сына Отечества“, возразилъ:

Благодарность знаменитому литератору.

„Прочитавъ въ 36-й книжкѣ „Сына Отечества“ письмо пріятеля Батюшкова и друга Батюшкова о надгробной надписи, которую сей пріятель и другъ нашего славнаго поэта вывезъ изъ Неаполя въ Россію (какъ нѣкогда Солонъ Иліаду), я чрезвычайно испугался. Опрометью бросился я къ нѣкоторымъ нашимъ поэтамъ, удостоивающимъ меня своего благорасположенія, и узналъ отъ нихъ, что ошибка моя не такъ велика, какъ сочинитель письма къ издателю „Сына Отечества“ желаетъ ее выставить, что имъ молви не много стихотворнѣе словъ: шепни имъ; что послѣдній стихъ, будучи произведенъ въ пятистопные, можетъ быть, выигралъ, и что единственная ошибка состоитъ въ раздѣленіи стиха:

Имъ молви отъ меня: не сѣтуйте, друзья.

„Сія послѣдняя могла бы почесться важною, если бы первая половина сего стиха не риѳмовала со второю. Поэты, пріятели мои, видя мое смущеніе, поспѣшили пріискать нѣсколько подобныхъ риѳмъ въ сочиненіяхъ нашего Батюшкова, который, несмотря на то, что онѣ не богаты, остается, по прежнему, однимъ изъ первокласныхъ русскихъ поэтовъ. Вотъ сіи примѣры: мечей, друзей, часть II, стр. 47; очей,

друзей, часть II, стр. 51; друзья, края, часть II, стр. 61; друзьямъ, намъ, тамъ же; друзей, Цирцей, тамъ же, стр. 79.

„Я не стихотворецъ; самъ не знаю мѣры содѣяннаго проступка, а поэтамъ-друзьямъ своимъ не совсѣмъ довѣряю. Дружба можетъ ввесть ихъ въ заблужденіе и потому, несмотря на ихъ доводы, не смѣю совершенно оправдываться; поспѣшность моя (съ какою диктовалъ я и потомъ не свѣрилъ) исказила безсмертные стихи того поэта, о которомъ одинъ нашъ стихотворецъ справедливо сказалъ:

А ты, въ вѣнцѣ изъ розъ и съ прадѣдовской чашей.
Пѣвецъ веселія и бѣдствій жизни вашей,
Роскошный Батюшковъ! плѣнительный твой даръ
Любвг, поэзіи, вина и славы жаръ,
Овидій сладостный, любимецъ музъ Горацій,
Анакреонъ и ты, вы вѣруете въ грацій:
И дѣвы чистыя бесѣдуютъ съ тобой
На берегахъ Невы, подъ тѣнью липъ густой,
И роза пышная на льду при нихъ алѣетъ,
И обрывать ее косматый морозъ не смѣетъ,
И солнце яркое съ безоблачныхъ небесъ
Зимою нѣжиться зоветъ въ прохладный лѣсъ.
У Тасса взялъ ты жезлъ Армиды чудотворный
И гордый нашъ языкъ, всегда тебѣ покорный,
Волшебникъ! подъ твоимъ перомъ роскошенъ, живъ,
Затѣйливъ, сладостенъ, и легокъ и шутливъ,
Рисуя намъ любви и муку, и блаженство:
Прелестный, пламенный твой слогъ есть совершенство [1]).

„Признавшись въ винѣ моей, мнѣ осталось поблагодарить неподписавшаго своего имени сочинителя письма, который, судя по ревности, съ какою защищаетъ честь великаго писателя, самъ долженъ быть знаменитымъ поэтомъ и, конечно, кромѣ незабвенной перевозки восьми стиховъ изъ Неаполя, оказалъ важныя услуги россійской поэзіи: онъ поступилъ со мною довольно вѣжливо, и я счастливъ, что онъ, а не другой кто пожурилъ меня. Я бы могъ попасться въ руки къ одному изъ тѣхъ немилосердыхъ крикуновъ, которые, будучи больны желчью, всѣ предметы видятъ въ желтомъ цвѣтѣ, или, что еще хуже, къ тѣмъ, кои страдая черныо (сплиномъ), то-есть, охотою все видѣть въ черномъ цвѣтѣ и выуча наизусть Лагарпа, какъ сорока Якова, перебранили и перецѣнили все русское отъ поэмы до эпиграммы, хотя сами ни одною запятою не обогатили отечественной словесности. Отъ такихъ людей брань нестерпима. П. К—въ“.....

И знаете-ли кто былъ этотъ литераторъ, котораго Воейковъ трактовалъ такъ cavalièrement — Дмитрій Николаевичъ Блудовъ“.....

---

[1]) Изъ поэмы самого Воейкова: «Искусства и Науки» «В. Евр.» 1819. **П. Е.**

Этотъ литературный споръ можетъ подать нынѣшнему и будущему поколѣніямъ литературы понятіе о томъ, въ какомъ райскомъ положеніи невинности и незлобія была тогдашняя наша словесность. Неправильная редакція одного стишка волновала и раздражала писателей. И все это дѣлалось изъ чистой, безкорыстной любви къ словесности; правда, по внушенію самолюбія и пристрастія къ своей партіи, но безъ всякаго разсчета на какую-либо выгоду. Но именно съ того времени, съ 1820 года, возникла въ литературѣ нашей новая эра вѣка не желѣзнаго, а ассигнаціоннаго, продолжающагося нынѣ въ формѣ кредитныхъ билетовъ. Особенно содѣйствовали этому два новые писателя—Воейковъ и антагонистъ его, Булгаринъ, имѣвшіе послѣдователями Сенковскаго, и всю братію литературныхъ торгашей и барышниковъ. Объ этомъ надѣюсь написать особую статью, а теперь ворочусь къ Воейкову.

Сотрудничество его въ „Сынѣ Отечества“ продолжалось съ половины 1820 до начала 1822 года. Обѣщаннаго имъ содѣйствія другихъ литераторовъ, какъ я сказалъ выше, не было (?).

Въ концѣ 1820 года занемогла великая княгиня Александра Ѳеодоровна и съ великимъ княземъ отправилась въ Берлинъ. Жуковскій поѣхалъ съ ними, присылалъ иногда стихи свои, но серьезно не принималъ участія въ журналѣ. Друзья его охладѣли къ Воейкову, который успѣлъ насолить всѣмъ, ибо голосъ злобы и зависти былъ въ немъ сильнѣе разсчета, выгодъ и пользы. Какимъ образомъ, спросятъ у меня, умѣлъ онъ еще держаться въ свѣтѣ при такомъ образѣ мыслей, при такихъ чувствахъ и поступкахъ? Онъ обязанъ былъ всѣмъ своимъ существованіемъ несравненной женѣ своей, прекрасной, умной, образованной и добрѣйшей Александрѣ Андреевнѣ, бывшей его мученицею, сдѣлавшейся жертвою этого человѣка. Всякъ, кто зналъ ее, кто только приближался къ ней, становился ея чтителемъ и другомъ. Благородная, братская къ ней привязанность Жуковскаго, преданная безсмертію въ посвященіи „Свѣтланы“, извѣстна всѣмъ. Потомъ первыми гостями ея были Александръ Ивановичъ Тургеневъ и Василій Алексѣевичъ Перовскій. Булгаринъ нѣкоторое время сходилъ отъ нея съ ума. Между тѣмъ, всѣ эти связи были чистыя и святыя и ограничивались благородною дружбою. Разумѣется, въ свѣтѣ толковали не такъ: поносили ее, клеветали и лгали на нее. Такова судьба всѣхъ возвышенныхъ людей среди уродовъ, съ которыми они обречены жить. Женская зависть играла въ этомъ не послѣднюю роль.

Воейковъ торговалъ и промышлялъ не прелестями, а кротостью

своей жены. Напримѣръ, пріѣдетъ Александръ Тургеневъ и идетъ, по обычаю, въ ея кабинетъ. Двери заперты.

— „Что это?" спрашиваетъ онъ у Воейкова.

— „Она заперлась", отвѣчаетъ Воейковъ, „плачетъ".

— „Плачетъ! О чемъ?"

— „Какъ о чемъ? Въ домѣ копѣйки нѣтъ, не на что обѣдать завтра. Заплачешь съ горя".

— „Пусти меня къ ней".

— „Не пущу; дай пять сотъ рублей".

— „Возьми!"

Отпираютъ дверь кабинета. Тургеневъ находитъ Александру Андреевну дѣйствительно въ слезахъ, но вслѣдствіе огорченій, претерпѣнныхъ ею отъ мужа.

Стараясь заводить связи съ людьми денежными, но простоватыми, Воейковъ замѣтилъ въ передней департамента духовныхъ дѣлъ одного купца, который приходилъ нѣсколько дней сряду.

— „Что вамъ угодно?" спросилъ онъ учтиво.

— „Мнѣ слѣдуетъ получить плату за дрова, которыя я ставилъ въ разныя мѣста вашего вѣдомства, но не знаю, почему мнѣ не выдаютъ ихъ. Казначея не могу допроситься".

Воейковъ идетъ въ кабинетъ Тургенева и говоритъ ему, что, къ стыду департамента, казначей притѣсняетъ поставщика дровъ, купца Кривоносова, вѣроятно, съ умысломъ принудить его къ скидкѣ. Раздраженный Тургеневъ призываетъ казначея и съ гнѣвомъ велитъ ему въ туже минуту удовлетворить купца. Обрадованный этимъ, Кривоносовъ является на другой день къ Воейкову, благодаритъ его, и спрашиваетъ, чѣмъ можетъ послужить ему. Воейковъ проситъ только его дружбы, и говоритъ, что готовъ служить ему, чѣмъ можетъ. Въ то время приступали къ перестройкѣ артилерійскаго училища.

— „Вотъ случай", сказалъ Воейковъ Кривоносову, котораго началъ посѣщать прилежно, „воспользоваться законною прибылью. Я засѣдаю въ строительной коммиссіи. Предсѣдатель ея, генералъ Засядко, другъ мнѣ. Въ числѣ членовъ находится и Тургеневъ. Явитесь только на торги. Вамъ уступятъ съ удовольствіемъ. Только надобно задобрить казну: она глупа и легко поддается на удочку. Я придумалъ средство. Въ училищѣ заводятъ библіотеку. Пожертвуйте на нее что-нибудь. Васъ, во-первыхъ, наградятъ медалью; во-вторыхъ, не будутъ мѣшать вамъ въ торгахъ. Ручаюсь вамъ за Засядку и за Тургенева, друзей моихъ".

— „Хорошо", отвѣчалъ Кривоносовъ: „даю пятнадцать тысячъ рублей".

Воейковъ полетѣлъ къ Засядкѣ.

— „Нашелъ олуха. ваше превосходительство!“ восклицаетъ онъ; „я убѣдилъ купца Кривоносова пожертвовать 15 тыс. руб. на нашу библіотеку, для полученія медали“.

Засядко, разумѣется, принялъ это извѣстіе съ благодарностью и сказалъ:

— „Вы доставили намъ эту находку, вы ею и распоряжайтесь. Вотъ вамъ реестръ книгъ, какія намъ нужны преимущественно; на остальную же сумму, изберите книги по вашему благоусмотрѣнію“.

Воейковъ, получивъ деньги, отправился къ книгопродавцу И. В. Сленину, торговавшему французскими и отчасти русскими книгами.

— „Иванъ Васильевичъ! солнце намъ восходитъ. Начальство артилерійскаго училища поручило мнѣ составить ему библіотеку. Вотъ реестръ книгъ, которыя необходимы. Прибавьте къ тому разныхъ книгъ учебныхъ, историческихъ, какихъ угодно; только въ переплетахъ. Цѣны ставьте, какія хотите. Разумѣется, сохраните наружную благовидность“.

Сленинъ понялъ и исполнилъ порученіе. Требовались книги по военнымъ наукамъ, обыкновенныя и дешевыя: онъ набралъ ихъ легко и дешево. На остальную, отъ 15 т. руб., сумму навалилъ онъ кучу книгъ старыхъ, разрозненныхъ, большою частью, съ толкучаго рынка, въ самомъ піитическомъ безпорядкѣ. Такимъ образомъ, въ числѣ томовъ „Всемірнаго Путешественника“ встрѣчались томы „Новѣйшей Поварихи“, „Письмовника“, „Сонника“ и т. п., а на переплетѣ выставлено: „Всемірный Путешественникъ“, томъ такой-то. Воейковъ принялъ книги и отправилъ въ училище; тамъ разставили ихъ по шкафамъ, какъ онѣ стоятъ, вѣроятно, и донынѣ. Деньги Воейковъ взялъ себѣ сполна, а Сленину далъ въ счетъ уплаты нѣсколько сотъ экземпляровъ непроданныхъ его „Образцовыхъ сочинененій въ прозѣ“. Впослѣдствіи уплачивалъ онъ ему процентами за продажу „Русскаго Инвалида“.

Сленинъ заикнулся-было однажды, что намѣренъ искать уплаты.

— „Осмѣлься“, сказалъ Воейковъ, „у меня въ карманѣ твой собственноручный счетъ: я докажу, что ты безбожно обманулъ казну своими цѣнами, и тогда не дадутъ тебѣ ни копѣйки, да еще и подъ судъ упрячутъ!“

Между тѣмъ, Кривоносовъ ждалъ торговъ. Воейковъ объявилъ ему, что предварительно должно дать обѣдъ членамъ строительной коммиссіи.

— „Съ радостью“, отозвался Кривоносовъ, „милости просимъ. Когда прикажете?“

Воейковъ назначилъ день, и наканунѣ говоритъ женѣ, въ присутствіи Тургенева:

— „Сашенька! завтра ты должна ѣхать со мною обѣдать къ купцу Кривоносову“.

— „Это что за уродъ?“ спрашиваетъ она.

— „Не уродъ, а другъ и благодѣтель мой“, отвѣчаетъ Воейковъ. „Непремѣнно поѣзжай; я далъ слово“.

— „А мнѣ можно будетъ ѣхать съ вами?“ спросилъ Тургеневъ, желая провести день съ Александрою Андреевною.

— „Можешь“, отвѣчалъ Воейковъ, „только надѣнь звѣзду и камергерскій ключъ“.

Тургеневъ охотно облекся въ свои регаліи, и они отправились. Воейковъ, представляя жену и Тургенева хозяину, сказалъ ему потомъ, отведя въ сторону:

— „Александръ Дмитріевичъ (Засядко) не могъ пріѣхать. Очень жалѣетъ. Онъ приглашенъ къ обѣду великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ“.

Обѣдъ и вина были на славу. Тургеневъ насладился и обѣдомъ, и бесѣдою Александры Андреевны, не догадываясь, какую роль играетъ.

Чрезъ нѣсколько дней начались торги. Явился и Кривоносовъ со своею медалью на шеѣ. Предсѣдатель коммиссіи, генералъ Засядко, узнавъ, кто онъ, приказалъ подать ему стулъ и рекомендовалъ его прочимъ членамъ коммиссіи, какъ почтеннаго и благонамѣреннаго патріота, обогатившаго своими пожертвованіями библіотеку училища. Но тѣмъ и кончилось торжество Кривоносова. Торги шли строго и круто, что̀ называется въ обрѣзъ. Членами коммиссіи были доки, понаучившіеся на казенныхъ постройкахъ. Кривоносовъ вышелъ изъ коммиссіи, какъ не солоно хлѣбалъ: ни одного и малѣйшаго подряда ему не досталось. Все происходило на законномъ основаніи, безъ малѣйшаго послабленія въ чью бы то сторону ни было. Вотъ онъ идетъ къ Воейкову:

— „Что-жъ вы не приходили въ коммиссію?“

— „Это не мое дѣло, я служу по учебной части и въ хозяйственную не вмѣшиваюсь“.

— „А Тургеневъ развѣ не членъ ея? И его не было“.

— „Вотъ вы дураки, купцы, всѣ такіе. Тургеневъ не служитъ при училищѣ и никого тамъ не знаетъ“.

— „Да вы обѣщали, Александръ Ѳедоровичъ“.

— „Что я обѣщалъ? Что тебя примутъ въ коммиссіи съ отличіемъ. И приняли: сиволапаго мужика посадили рядомъ съ генералами. Что же ты думалъ, что они помогутъ тебѣ обмануть и обокрасть

казну? За кого ты ихъ принимаешь? Берегись, услышатъ, что ты ихъ считалъ за мошенниковъ, худо тебѣ будетъ".

Кривоносовъ умолкъ и тѣмъ дѣло кончилось. Впрочемъ, Воейковъ стащилъ съ него еще сверхъ того. По смерти Кривоносова, нашли въ его бумагахъ векселя Воейкова на пять тысячъ рублей. Воейковъ отказался отъ уплаты, потому что векселя были просрочены, и отзываясь, что Кривоносовъ былъ ему другъ, подарилъ эти деньги, а взялъ векселя такъ, для проформы!

Вотъ каковъ былъ человѣкъ, съ которымъ я имѣлъ дѣло, съ которымъ былъ въ товариществѣ. Ему мало было шести тысячъ рублей, которые онъ получалъ даромъ при изданіи „Сына Отечества". Онъ вздумалъ удалить меня совершенно. Когда случился несчастный бунтъ въ Семеновскомъ полку, онъ доносилъ на меня, называлъ меня виновникомъ мятежа, возбужденнаго мною посредствомъ полковаго училища. Я упоминалъ объ этомъ въ статьѣ моей о Семеновской исторіи. Не имѣвъ успѣха въ проискахъ своихъ, клонившихся къ тому, чтобъ выгнать меня изъ города и чтобъ онъ остался полнымъ хозяиномъ „Сына Отечества", онъ вздумалъ меня пугать. Пріѣхавъ ко мнѣ однажды утромъ, въ январѣ 1821 года, онъ говоритъ мнѣ:

— „Вамъ худо. Вы обнесены у государя. Начальство васъ предало. Совѣтую вамъ удалиться. Поѣзжайте въ чужіе края и тамъ обождите бурю, а я, между тѣмъ, буду заниматься „Сыномъ Отечества" и стану вѣрно выплачивать доходъ вашему семейству".

Я сначала остолбенѣлъ, но вскорѣ одумался и сказалъ:

— Я ни въ чемъ не чувствую себя виноватымъ. Если меня обвинятъ, буду просить слѣдствія и суда. Бѣгство мое будетъ свидѣтельствомъ какого-нибудь преступленія, а я не сдѣлалъ ничего и не боюсь ни закона, ни царя".

— „Какъ угодно", отвѣчалъ онъ, „а я исполнилъ свой долгъ предостерегъ васъ. Въ случаѣ бѣды, пеняйте на самого себя".

Булгаринъ пришелъ ко мнѣ въ тотъ же день и, узнавъ, что̀ мнѣ наговорилъ Воейковъ, утвердилъ меня въ мнѣніи, что все это мошенничество и козни негодяя, и что я не долженъ его слушать. Исторія эта прошла со шкваломъ, какъ говорятъ моряки, но товарищество съ Воейковымъ сдѣлалось мнѣ невыносимымъ. Лишь только пріѣхалъ изъ-за границы Жуковскій, я обратился къ нему, разсказалъ все, что произошло, и убѣдительно просилъ освободить меня отъ Воейкова. Въ то время Пезаровіусъ удалился отъ „Инвалида". Жуковскій успѣлъ доставить мѣсто редактора Воейкову и принудилъ его отказаться отъ участія въ „Сынѣ Отечества". Я вздохнулъ сво-

бодно. Разумѣется, что Воейковъ сдѣлался моимъ отъявленнымъ врагомъ и всячески нападалъ на меня.

Забавна была притомъ одна продѣлка съ Булгаринымъ. Воейковъ, желая показать превосходство „Инвалида“ надъ „Сыномъ Отечества“, выставилъ въ немъ, что на „С. О.“ 750 подписчиковъ, а на „Инвалидъ“—1,700. Булгаринъ воспользовался этимъ и подалъ въ комитетъ 18-го августа прошеніе объ отдачѣ ему въ аренду изданія этой газеты, обязуясь платить вдвое противъ того, сколько получаютъ отъ Воейкова, и въ обезпеченіе исправной уплаты представлялъ въ залогъ пятьсотъ душъ. Комитетъ, имѣя цѣлію умноженіе доходовъ съ газеты, не могъ не принять во вниманіе этого предложенія. Семейство Воейкова пришло въ ужасъ. Жуковскій пріѣхалъ ко мнѣ и просилъ отклонить бѣду, угрожающую друзьямъ его. Я взялся уговорить Булгарина. При этомъ случаѣ Жуковскій сказалъ мнѣ:

— „Скажите Булгарину, что онъ напрасно думалъ уязвить меня своею эпиграммою [1]); я во дворецъ не втирался, не жму руки никому. Но онъ принесъ этимъ большое удовольствіе Воейкову, который прочиталъ мнѣ эпиграмму съ невыразимымъ восторгомъ“.

Дѣло уладилось. Булгаринъ взялъ назадъ свое прошеніе. Воейковъ просилъ меня сблизить его съ бѣшенымъ полякомъ, чтобъ покончить всѣ раздоры. Мы поѣхали съ нимъ къ Булгарину. Когда мы вошли въ кабинетъ, Булгаринъ лежалъ на диванѣ и читалъ книгу. Воейковъ подошелъ къ нему и, подавая палку, сказалъ:

— „Бейте, меня, Ѳаддей Венедиктовичъ, я заслужилъ это; только пожалѣйте жену и дѣтей!“

Рѣдкое явленіе въ исторіи литературы! Впрочемъ, Воейкову доставалось по спинѣ и натурою. Однажды обѣдали у него въ Царскомъ Селѣ Жуковскій, Гнѣдичъ, Дельвигъ и еще нѣсколько человѣкъ знакомыхъ. Рѣчь зашла за столомъ о томъ, можно-ли желать себѣ возвращенія молодости. Мнѣнія были различны. Жуковскій сказалъ, что не желалъ бы вновь пройти сквозь эти уроки опыта и разочарованія въ жизни. Воейковъ возразилъ:

---

[1]) Изъ савана одѣлся онъ въ ливрею,
На ленту промѣнялъ онъ миртовый вѣнецъ,
Не подражая больше Грею
Съ указкой втерся во дворецъ.
И что же вышло наконецъ?
Предъ знатными сгибая шею,
Онъ руку жметъ камеръ-лакею—
Бѣдный пѣвецъ.

По отзывамъ нѣкоторыхъ лицъ это эпиграмма Пушкина, а по другимъ—Воейкова.

— „Нѣтъ! я желалъ бы помолодѣть, чтобъ еще разъ жениться на Сашенькѣ . . . . !“

(Это выражено было самымъ циническимъ образомъ). Всѣ смутились. Александра Андреевна заплакала. Поспѣшили встать изъ-за стола. Мужчины отправились въ верхнюю свѣтелку, чтобъ покурить, и, по чрезвычайному жару, сняли съ себя фраки. Воейковъ пришелъ туда тоже и вздумалъ сказать что-то грубое Жуковскому. Кроткій Жуковскій схватилъ палку и безжалостно избилъ статскаго совѣтника и кавалера по обнаженнымъ плечамъ. А на другой день опять помогалъ ему, во имя Александры Андреевны.

— Бѣда наша, сказалъ я однажды, если Александра Андреевна въ беременности захочетъ поѣсть хрящу изъ Гречева уха. Пріѣдетъ Жуковскій и станетъ убѣждать: „сдѣлайте одолженіе, позвольте отрѣзать хоть только одно ухо, или даже пол-уха; у васъ еще останется другое цѣлое, а вмѣсто отрѣзаннаго я вамъ сдѣлаю наставку изъ замши. Только бы утолить голодъ Александры Андреевны“.

Обширное поле подвигамъ Воейкова открылось послѣ 14-го декабря. У него хранилась на всякій случай записка, полученная имъ въ 1820 году отъ Булгарина, проигравшаго дѣло свое въ сенатѣ:

„Все пропало. Я погибъ. Злодѣи меня сгубили. Проклинаю день и часъ, когда я пріѣхалъ въ Россію. Не знаю, что дѣлать и на что рѣшиться, чтобы выпутаться изъ ужаснаго моего положенія. Ѳ. Булгаринъ“.

Воейковъ прибавилъ къ этому только число: 15-го декабря 1825 г. и представилъ въ полицію. Дѣло вскорѣ объяснилось и не имѣло послѣдствій. Въ концѣ декабря пришелъ ко мнѣ Владиславъ Максимовичъ Княжевичъ и принесъ письмо, полученное имъ отъ неизвѣстнаго, въ которомъ изъявлялось удивленіе, что при арестованіи бунтовщиковъ и злодѣевъ оставили на волѣ двухъ важнѣйшихъ: Греча и Булгарина. Адресъ написанъ былъ рукою Воейкова и записка запечатана его печатью, о которой я упоминалъ выше. Я тогда лежалъ больной въ постелѣ, послалъ за Жуковскимъ, и когда онъ пріѣхалъ, отдалъ ему произведеніе его друга и родственника. Жуковскій ужаснулся, поблагодарилъ меня за пощаду и сказалъ, что уйметъ негодяя, но видно не успѣлъ. Недѣли чрезъ двѣ Алексѣй Николаевичъ Оленинъ получилъ письмо изъ Москвы отъ тамошняго военнаго генералъ-губернатора, князя Д. В. Голицына, о ругательныхъ письмахъ и доносахъ, полученныхъ тамъ многими лицами, между прочимъ, издателемъ „Телеграфа“ Н. А. Полевымъ и самимъ Голицынымъ. Князь, приведенный въ негодованіе гнусными навѣтами писемъ, хотѣлъ-было послать ихъ прямо къ государю, для отысканія и

наказанія подлыхъ клеветниковъ, но предварительно спросилъ у Полеваго, не знаетъ-ли онъ, чьею рукою они написаны. Полевой отвѣчалъ, что это, кажется ему, почеркъ руки петербургскаго литератора Олина. Князь вспомнилъ, что видѣлъ этого литератора у А. Н. Оленина, и полагалъ, что Оленину непріятно будетъ, что опозорятъ знакомаго ему человѣка. Подозрѣвая, можетъ быть, что въ прозвищѣ его сокращено имя отца, какъ въ Бецкомъ, Пнинѣ, Умянцовѣ и т. п., отправилъ письма къ Оленину, для вразумленія молодаго смѣльчака. Въ этихъ письмахъ опять называемы были Гречъ и Булгаринъ заговорщиками и бунтовщиками. Оленинъ, прочитавъ письмо, сказалъ съ досадою:

— „Какое мнѣ дѣло до Олина? Разъ какъ-то Гнѣдичъ привозилъ его ко мнѣ, а впрочемъ, я его не знаю. И что я за полицейскій?"

Въ это время вошелъ въ комнату секретарь его, извѣстный археографъ и разборщикъ рукописей, А. Н. Ермолаевъ. Оленинъ далъ ему письмо и сообщилъ о своемъ недоумѣніи.

— „Я знаю эту руку", сказалъ Ермолаевъ. Это рука пьяницы (Иванова, Григорьева, что-ли, не знаю), котораго мы выгнали изъ канцеляріи".

— „Отыскать его", сказалъ Оленинъ.

Чрезъ часъ привели пьянаго писаря, и онъ объявилъ со слезами, что это точно его рука, что онъ написалъ двадцать копій этого письма, по пяти рублей за каждую, по требованію Воейкова, и запечаталъ ихъ, а адресы надписывалъ уже потомъ самъ сочинитель. И тутъ дѣло пошло обычнымъ чередомъ: послали не за оберъ-полиціймейстеромъ, а за Жуковскимъ. Воейкова пожурили вновь, и подвели подъ милостивый манифестъ—прекрасныхъ глазъ Александры Андреевны [1]).

Такимъ образомъ влачилъ онъ жизнь свою. Издавалъ „Инвалидъ", „Новости литературы", „Славянинъ" и „Литературныя прибавленія", изрыгая въ нихъ брань и хулу на все честное, благородное, воскуривалъ ѳиміамъ знатнымъ и богатымъ. Жена его, изнуренная бѣдственнымъ своимъ положеніемъ, впала въ чахотку и отправилась въ Италію. За нѣсколько дней до отъѣзда, въ присутствіи Жуковскаго, попросила она у Воейкова почтовой бумаги.

— „Поди ко мнѣ въ кабинетъ", сказалъ онъ, „найдешь на моемъ письменномъ столѣ".

Она пошла и чрезъ нѣсколько минутъ воротилась блѣдная и въ

---

[1]) Тутъ изложеніе Греча не ясно: почему почеркъ Олина оказался почеркомъ Григорьева? Оленинъ спрашивалъ о доносахъ и сходствѣ почерка у самого Олина и тотъ (а не Ермолаевъ) указалъ на лицо, переписывавшее его стихи для отсылки къ Полевому. **П. Ефремовъ.**

слезахъ, неся въ рукахъ бумагу. Это была эпитафія, заблаговременно написанная ея мужемъ для начертанія на ея могилѣ!

Александра Андреевна умерла въ Ниццѣ въ іюнѣ 1829 года, оставивъ по себѣ въ душахъ всѣхъ, кто зналъ ее, неизгладимое воспоминаніе ея достоинствъ, добродѣтелей и страданій.

Я нѣсколько лѣтъ не видался съ Воейковымъ, встрѣчая его иногда, ѣдущаго въ дрожкахъ или въ саняхъ по улицамъ на поклоны и на пакости, какъ написалъ о немъ Булгаринъ:

Лишь только занялась заря
И солнце стало надъ горой,
Воейковъ ѣдетъ на разбой:
Сарынь на кичку кинь!

Онъ разъ свалился съ дрожекъ, расшибъ себѣ ногу и охромѣлъ, приплюснулъ носъ и носилъ среди лица пластырь подъ черной повязкой. Булгаринъ, увидѣлъ его впервые подъ этой печатью, воскликнулъ стихомъ Батюшкова:

И трауромъ покрылся Капитолій!

Судьба свела насъ съ Воейковымъ нечаянно въ концѣ января 1830 года. Въ то время вышелъ романъ Загоскина „Юрій Милославскій“ и обратилъ на себя общее вниманіе не только въ публикѣ, но и при дворѣ. Романъ этотъ былъ очень слабъ, но можетъ назваться Иліадою въ сравненіи съ нынѣшними. Булгаринъ въ то время кропалъ своего „Димитрія Самозванца“. Успѣхъ Загоскина ошеломилъ его: онъ вздумалъ унизить произведеніе соперника въ глазахъ публики и началъ побранивать его въ „Пчелѣ“; писалъ самъ и заставлялъ писать сотрудника нашего Очкина. Воейковъ, не по убѣжденію, а изъ подлости, вступился за „Юрія“ и возражалъ на критики колко и дерзко. Булгаринъ вдвое — и пошла потѣха. Государю, который читалъ „Пчелу“ каждое утро, было это непріятно. Онъ приказалъ Бенкендорфу унять Булгарина. Бенкендорфъ поручилъ это мягкосердному фонъ-Фоку, а этотъ объявилъ Булгарину очень легко, что нужно смягчить критику и, по крайней мѣрѣ, не называть авторовъ по имени. Булгаринъ принялъ къ свѣдѣнію только послѣднюю часть совѣта и написалъ вновь презлую статью на Загоскина, не называя его по имени. Я ничего не зналъ объ этомъ: переговоры съ Фокомъ велъ самъ Булгаринъ. Въ четвертокъ, 30-го января 1830 г., пріѣзжаю домой къ обѣду и нахожу у себя на столѣ конвертъ съ моимъ адресомъ: „отъ генералъ-адъютанта Бенкендорфа“, подъ номеромъ и подъ казенною печатью Въ конвертѣ оффиціальная записка съ печатнымъ заголовкомъ: „Генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ, свидѣтельствуя свое

почтеніе его высокородію Н. И. Гречу, покорнѣйше проситъ явиться къ нему немедленно“.

Пріѣзжаю. Бенкендорфъ встрѣчаетъ меня серьезно словами:

— „Ну вотъ, дописались! Я говорилъ, такъ не слушали. Извольте съ этою бумагою явиться къ коменданту“.

— То-есть, подъ арестъ? сказалъ я. Да что я сдѣлалъ?

— „Вы должны были удерживать Булгарина. Извольте ѣхать“.

— Очень хорошо, да у меня дома будутъ тревожиться моимъ отсутствіемъ, зная, что я поѣхалъ къ вамъ. Пошлите кого-нибудь сказать у меня, что вы оставили меня у себя обѣдать.

— „Извольте!“ отвѣчалъ онъ, призвалъ адъютанта и послалъ по моей просьбѣ, а я отправился въ Зимній дворецъ къ коменданту П. Я. Башуцкому.

Прочитавъ отношеніе, Башуцкій сталъ писать что-то, а въ это время вошелъ въ комнату Воейковъ, блѣдный, исхудалый, хромой, въ самомъ жалкомъ видѣ. Незаслуженный крестъ болтался у него на шеѣ. Кончивъ письмо, Башуцкій всталъ и подалъ мнѣ.

— „Извольте идти на дворцовую гауптвахту“.

— Ваше высокопревосходительство, сказалъ я ему, сдѣлайте милость, отправьте туда г. Воейкова. Вы видите, онъ боленъ, слабъ. На другихъ гауптвахтахъ и сыро, и холодно; дуетъ сѣверный вѣтеръ, а я здоровъ, и простуды не боюсь“.

При этихъ словахъ Воейковъ бросился ко мнѣ на шею.

— „Нобль ами! же ву реконне а вотръ женерозите“.

— „Не бойтесь“, сказалъ улыбаясь Башуцкій, „я и его посажу въ теплое мѣсто“.

Я отправился по длиннымъ коридорамъ съ плацъ-адъютантомъ. При входѣ въ караульню, обрадовался я свиданію съ знакомыми. Въ этотъ день Преображенскій полкъ занималъ караулъ въ первый разъ послѣ турецкаго похода. Старшимъ офицеромъ на гауптвахтѣ былъ князь Несвицкій. Въ гостяхъ у него были знакомые мнѣ, и между ними любезный Александръ Христіановичъ Граве.

— „Еще приборъ!“ закричалъ гофъ-фурьеру Несвицкій, и мы сѣли за столъ.

Бесѣда была самая пріятная. Послѣ обѣда отправилъ я вѣстоваго къ себѣ на домъ и велѣлъ принести подушку и нѣсколько книгъ. Вечеромъ пришелъ ко мнѣ братъ мой Павелъ, очень огорченный этимъ происшествіемъ. Въ девять часовъ явился отъ государя флигель-адъютантъ съ приказаніемъ выпустить меня.

Булгаринъ обѣдалъ въ тотъ день у директора американской ком-

паніи И. В. Прокофьева. Онъ лишь только наложилъ себѣ на тарелку свѣжей икры, какъ ему подали записку Бенкендорфа.

— „Что это?“ сказалъ онъ, обнюхивая записку, „ужъ не крѣпостью-ли пахнетъ? Смотри, Николай Ивановичъ“, сказалъ онъ сидѣвшему за столомъ подлѣ него Кусову: „сбереги ты мою икру; я скоро ворочусь“, и уѣхалъ къ Бенкендорфу; тамъ дали ему бумагу къ коменданту.

Булгаринъ поѣхалъ къ нему, но Башуцкій уже спалъ послѣ обѣда, и проснулся не ранѣе семи часовъ. Тогда отправили Булгарина въ Новое Адмиралтейство. Жена его, узнавъ о заключеніи мужа, поѣхала его отыскивать. Ей сказали, что онъ сидитъ въ Адмиралтействѣ. Вотъ она ѣдетъ въ Старое и спрашиваетъ: гдѣ сидитъ сочинитель?

— „Здѣсь“, говорятъ ей, и вводятъ ее въ караульню.

Она бросается въ объятія Воейкова.

— „Елена Ивановна!“ восклицаетъ онъ, „васъ-ли я вижу?“

— „Ахъ, это не тотъ!“ кричитъ она: „это мошенникъ Воейковъ! Мнѣ надобно Булгарина!“

Съ сими словами выбѣжала она и уѣхала въ Новое Адмиралтейство, гдѣ утолила свою горесть.

На другой день фонъ-Фокъ далъ мнѣ знать, что я долженъ пойти къ Бенкендорфу. Прихожу. Онъ встрѣчаетъ меня съ распростертыми объятіями и съ умильною улыбкою, какъ-будто сожалѣя обо мнѣ. Я расхохотался.

— „Какъ?“ восклицаетъ онъ, „это васъ не огорчило?“

— Ни мало, отвѣчалъ я; меня посадили за дѣло, которому я чуждъ совершенно. Стану-ли я огорчаться, когда упадетъ на меня съ крыши камень? Воля государя, и я ей покорился.

Это очень понравилось Бенкендорфу, ожидавшему жалобъ и упрековъ. На Булгарина это происшествіе подѣйствовало не такъ: ему стыдно и совѣстно было, что за его вину пострадалъ человѣкъ, непричастный къ дѣлу. Онъ написалъ Бенкендорфу, что оскорбленъ и обиженъ этимъ до крайности, что во всю жизнь будетъ помнить это унизительное взысканіе. Дѣйствительно, онъ подписалъ у себя подъ портретомъ государя: 30-го января 1830 года [1]).

Чрезъ мѣсяцъ, когда Булгаринъ издалъ своего „Димитрія Самозванца“, ему пожалованъ былъ богатый перстень.

---

[1]) См. также «Рус. Ст.», томъ IV, 1871 г., ноябрь: «Ѳаддей Венедиктовичъ Булгаринъ», біографическій очеркъ Н. И. Греча, т. IX, стр. 502—506.

Ред.

Воейковъ объявилъ, что съ этой поры не будетъ ничего писать и печатать противъ меня. „Государь насъ помирилъ“, говорилъ онъ.

Еще долженъ я упомянуть, что Жуковскій жарко вступался у Государя за всѣхъ насъ, и Закревскій, у котораго я состоялъ чиновникомъ по особымъ порученіямъ, напяливалъ уже бѣлые панталоны, чтобъ ѣхать съ ходатайствомъ къ Государю, когда узналъ, что мы освобождены.

Разскажу послѣднія похожденія мои съ Воейковымъ. По смерти Александры Андреевны, вступилъ онъ въ бракъ съ какою-то дѣвицею Некрасовою (кажется, съ кухаркою его); подбился къ И. Н. Скобелеву и къ Л. В. Дубельту, льстилъ имъ и питался крохами отъ ихъ трапезы.

Осенью 1838 года, давнишній знакомый мой, полковникъ Лахманъ, пріѣхавъ въ Петербургъ, пригласилъ меня къ себѣ обѣдать. Я нашелъ у него Воейкова еще въ жалчайшемъ противъ прежняго положеніи. Я обошелся съ нимъ учтиво, какъ съ старымъ знакомымъ, и онъ пригласилъ меня къ себѣ на вечеръ. Нельзя было отговориться. Я поѣхалъ къ нему съ Лахманомъ и нашелъ у него Скобелева и еще нѣсколько лицъ. Мы провели время за чаемъ очень пріятно, слушая росказни отца-командира. Воейковъ жилъ гдѣ-то на Литейной, въ переулкѣ, въ невзрачномъ деревянномъ домикѣ. Уходя отъ него, я не могъ не пригласить его къ себѣ. Вотъ въ первый изъ моихъ четверговъ онъ является ко мнѣ, садится въ кружокъ съ немногими гостями. Пьемъ чай, бесѣдуемъ. Вдругъ зашла рѣчь о покойномъ графѣ Павлѣ Петровичѣ Сухтеленѣ, одномъ изъ честнѣйшихъ и благороднѣйшихъ людей въ мірѣ. Всѣ принялись хвалить его. Воейковъ соглашался, что графъ былъ уменъ и храбръ, но прибавилъ: „онъ былъ развратникъ, человѣкъ самой подлой нравственности“. Поднялся споръ. Всѣ вступаются за Сухтелена. Воейковъ упрямо настаиваетъ на своемъ. Въ это время входитъ въ комнату нѣкто Гибаль, проживавшій нѣсколько лѣтъ въ Оренбургѣ, въ домѣ графа, и бывшій свидѣтелемъ его скоропостижной кончины.

— Александръ Богдановичъ! сказалъ я, рѣшите нашъ споръ. Вы коротко знали графа Сухтелена: не правда-ли, онъ былъ человѣкъ чистой нравственности?

— „Чистѣйшей въ мірѣ“, отвѣчалъ Гибаль. „Мы всячески старались подсмотрѣть за нимъ какую-либо слабость и не успѣли. Онъ былъ безпороченъ, какъ агнецъ“.

Воейковъ смутился этимъ объясненіемъ, всталъ, опираясь на костыль, и отправился на утечку. Я пошелъ за нимъ, чрезъ биліардную

комнату. Тамъ игралъ Петръ Ильичъ Юркевичъ съ кѣмъ-то; они разговаривали о военныхъ дѣйствіяхъ, не помню какихъ-то.

— „Да это напечатано было въ реляціи!“ сказалъ другой.

— „А развѣ ты не знаешь поговорки?“ возразилъ Юркевичъ. „Лжетъ, какъ реляція!“

Тутъ Воейковъ возвысилъ свой вѣрноподданническій голосъ:

— „Молодой человѣкъ! какъ вы смѣете говорить это? Реляціи пишутся и издаются правительствомъ, и кто называетъ ихъ ложью, тотъ“........

— Молчать, шпіонъ! закричалъ я, вонъ изъ моего дому!

Воейковъ розинулъ-было ротъ, но я подошелъ къ нему и еще громче закричалъ:

— Вонъ, ...!

— „Иду, иду“, промолвилъ онъ, и вышелъ въ переднюю.

Съ тѣхъ поръ я не видалъ его.

Онъ умеръ 16-го іюня 1839 г., написавъ письмо къ Л. В. Дубельту о неоставленіи жены его: „она-де женщина простая, но благородная въ душѣ“.

(Изъ Записокъ Н. И. Греча).

Сообщ. **Е. И. Гречъ.**
